Воздухоплаватель. Битва за небо

Автор:
Юрий Корчевский

Воздухоплаватель. Битва за небо

Юрий Григорьевич Корчевский

Воздухоплаватель #2Героическая фантастика

После разгрома белых Андрей Киреев перебирается во Францию. Горек хлеб эмигранта, но бывший военный летчик постепенно врастает в мирную жизнь, обустраивается. И вроде бы хорошо живет, да и годы уже не молодые, но как только в Испании вспыхивает гражданская война, Андрей немедленно бросается в новую авантюру – идет добровольцем в армию республиканцев. Там у него привычный враг – немцы из легиона «Кондор».

Но и тут судьба находит время пошутить: получив в бою ранение, пилот приходит в себя на советском теплоходе, следующем в Одессу. Зная, что вскоре начнется Великая Отечественная, Киреев делает окончательный выбор: он остается на Родине, чтобы помочь ей справиться с фашистским нашествием.

Сумеет ли опытнейший воздушный боец, ветеран нескольких войн помочь ВВС Красной Армии выиграть битву за небо у прославленных асов Люфтваффе?

Юрий Корчевский

Воздухоплаватель. Битва за небо

© Корчевский Ю. Г., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«Когда кажется, что весь мир настроен против тебя, помни, что самолет взлетает против ветра».

Генри Форд

Глава 1. «Зарубежье»

Для русского человека такое солнце, как в Галлиполи, непривычно жаркое. Хотелось пить, а питьевой воды не хватало. Обмывались в море. От соленой воды кожа только чесалась. Хорошо было только тем, у кого были деньги, причем желательно в валюте или золоте. Турки кое-как терпели русское войско и гражданских эмигрантов, но откровенно презирали и недовольство свое всячески показывали. Но Франция – член Антанты, победитель. И она вместе с Англией диктовала Турции условия. Проиграли османы войну, однако и нажились. Российской империи турки должны были один миллиард четыреста миллионов рублей, причем еще царских, золотых. Но царя, как и империи, уже нет, и османы про долг благополучно забыли.

Большевики, стараясь удержаться у власти, подписывали позорные договоры и прощали долги. Еще в апреле 1916 года по соглашению стран Антанты Российская империя в случае победы должна была получить от Турции область Эрзерума, Трапезунда, Ванна и Битлиса до Черного моря, а также часть Курдистана. По предложению генерала Н. Юденича земли эти следовало заселить казаками с Дона и Кубани. Февральская революция 1917 года изменила ход событий, интересы России Антанта уже не учитывала. А после октябрьского переворота большевики третьего марта подписали с Германией сепаратный мир на позорных условиях. Мало того что Германия получала солидную контрибуцию

золотыми и земли, так еще союзник ее – Турция, получала территории. Россия должна была вывести свои войска из Анатолии, Ардагона, Карса и Батуми. Армения и Греция, эти естественные союзники, в договорах не упоминались. Уже 30 октября 1918 года Турция на борту английского броненосца «Агамемнон» подписала акт о капитуляции. Ей достались земли, проливы и прощение долга России.

Лев Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн), заключил союз с националистическим правительством Кемаля Ататюрка, началась армянская резня. Грекам, жителям Причерноморья, не удалось создать Понтийскую республику.

Андрей с сыном батареи Иваном несколько месяцев жил вместе с дроздовцами, но ряды их постепенно таяли. У кого были деньги, уезжали в близкие по вере и географически Болгарию и Грецию. Офицеры дивизий ждали, когда вопрос как-то разрешится на самом верху, на уровне командования Белой армии и правительств. Но Франции, за которую воевал большой русский экспедиционный корпус, было плевать на эмигрантов. Единственное, чего смог добиться барон Врангель, так это организованно перевезти дроздовскую дивизию в Болгарию. Но и там рады не были. Куда селить, чем кормить, чем занять десятки тысяч русских? К тому же у них личное оружие и обучены военному делу. Попробуй в случае волнений применить полицию, ни полиция не уцелеет, да и болгарским военным частям достанется. Побаивались и мечтали сплавить куда-нибудь русских.

Андрею самому не нравилась эта неопределенность. Он на чужой земле, царя, которому присягала русская армия как хозяину земли русской, уже нет. И что ему до Болгарии? Она и в Первую, и во Вторую мировую войны была союзницей Германии. Уехал бы сам, да мешали два обстоятельства. Нехватка денег, а честно говоря – их отсутствие. И второе – отсутствие документов.

В России ВЦИК и СНК РСФСР приняли 15 декабря 1921 года декрет, которым лишались права российского гражданства и признавались недействительными документы нескольких категорий лиц:

а) лица, прожившие за границей беспрерывно свыше пяти лет;

б) лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 года без разрешения советской власти;

в) лица, добровольно сражавшиеся против советской власти.

Андрей, как и все белоэмигранты Белой армии, подпадал сразу под два пункта. Стало быть – враг для советской власти, и думать о возвращении не стоит. По крайней мере, в ближайшее время.

Русские, выдавленные из своей страны тремя волнами эмиграции, оказались рассеяны по всему свету. В Европе больше всего приняла Франция – 200 тысяч, в Азии – Турция, 300 тысяч, Китай – 76 тысяч, большинство в Харбине и Нанкине, в Югославии, Чехии, Болгарии, Греции по 30–40 тысяч. А были еще и в США, Финляндии, да кто их тогда считал? Тем не менее наплыв беженцев из большевистской России, а затем и армян из Турции был столь велик, что проблемой озаботилась Лига Наций, предтеча ООН. В 1922 году назначили Верховного комиссара по делам беженцев, которым стал известный ученый Фритьоф Нансен. В 1922 году появился паспорт для бывших россиян и армян из Османской империи, который назвали нансеновским. С ним человек был волен ехать в любую страну мира, являющуюся членом Лиги Наций.

Андрей о нансеновском паспорте не знал. Среди дроздовцев в Болгарии то эпидемия дизентерии, то другие болезни. И он решил как можно скорее покинуть Болгарию и перебраться во Францию. Не только о себе забота была, но еще и об Иване, сыне батареи, аналогично сыну полка. Он Андрею не родной сын, но уж коли взяли в батарею, Андрей чувствовал за него ответственность. К тому же Иван выручил Андрея в бою, застрелив из револьвера красного конника. Да еще и время, проведенное вместе, в лишениях, сблизило их. Иван держался подле Андрея. Андрей в первую очередь к священнику в церковь пошел, не столько помолиться, сколько совета и помощи просить. Общаться сложно. Болгарский язык хоть и похож, да не родной. Да еще и жесты разные, причем полные противоположности, что сначала сбивало с толку. У русских кивок головой означает согласие, а у болгар – отрицание. Согласие у них – как у русских отрицание, головой из стороны в сторону.

Спросил у священника, можно ли выехать из страны, не имея документов? Можно, причем священник подсказал, как лучше сделать.

– Русский? Тогда лучше перебраться во Францию пароходом.

– У меня нет денег и одежды.

– Вместо билета отработаешь на судне кочегаром, сейчас везде не хватает крепких мужских рук. А с одеждой я помогу.

– Я не один, со мной сын, вот такого роста.

Андрей показал.

– И ему подберем. Приходи через неделю.

Андрей пошел бы на подработку и любой работы не погнушался. Но конкуренция велика, почти полк стоит в селе, мужиков избыток.

Священник слово сдержал. Когда Андрей вместе с Иваном пришли в церковь, пришлось померить поношенную, но чистую одежду и удалось подобрать каждому полный набор – обувь, рубашку, пиджак, брюки. Андрей принялся благодарить священника.

– Господь воздаст за добрые дела. Еще дам пятьдесят франков, это во Франции такие деньги. Кто-то на подаянии оставил несколько лет назад. Пригодились чужестранные деньги. Не знаю, много это или мало, пусть они тебе хоть немного помогут.

Позже оказалось – деньги невеликие. Газета в Париже стоила в среднем два франка.

Уговаривать или подбивать других офицеров Андрей не стал. Пока они были армией, служили в одном полку и дивизии, были боевыми побратимами. А сейчас – люди без Родины, апатриды и уже каждый сам по себе. Главный бой в жизни, не с немцами, а со своими, только другими по убеждениям, они проиграли. Отныне дороги каждого расходятся. Кто-то сопьется, другой выйдет в люди, откроет свое дело, некоторые собьются в банды, начнут грабить. Были и такие, кто будет гадить России, ходить через кордон, устраивать диверсии, проводить идеологическую работу. Но Андрей по истории знал, что большевики

продержатся долго, их потом и Гитлер с мощной армией не одолеет. И его личный враг – большевики, узурпировавшие власть, а не народ и не страна. Суждено ему жить в изгнании, перетерпит и Ивана воспитает как сына, в русском духе. Хотя чужие языки учить придется, как и чужие привычки.

Священник посоветовал идти в Бургас, там крупный порт, много грузовых кораблей. От местечка Средец до Бургаса километров семьдесят. В день больше двадцати – двадцати пяти с Иваном не пройти. Да еще денег нет на продукты, а голодным далеко не уйдешь. А с другой стороны, если остаться и ждать, можно так и состариться здесь.

– Ваня, с утра выходим, отойдем из расположения полка, переоденемся в цивильное, но о том молчок.

– Понял.

Спалось плохо, снова значительные перемены в жизни, да еще ответственность не только за себя, за Ивана. И как сложится жизнь парня, во многом зависит от Андрея. Может, зря взяли его с собой на пароход, уходящий из Крыма? А с другой стороны посмотреть – кому он нужен в Крыму? Сирота, позаботиться, накормить, одеть некому. Беспризорников после Гражданской войны в России много случилось, не все стали взрослыми.

Утром позавтракали в полковой столовой. Андрей постарался незаметно стянуть со стола и спрятать в карман два куска хлеба. Стыдно было. Он, штабс-капитан, уподобился мелкому воришке на чужом званом обеде. Но голод не тетка, пирожка не даст. Что кушать вечером? А по куску хлеба голод хоть немного утолят.

Оказалось, Иван тоже хлеб со стола стянул и спрятал в карман. Дроздовцев кормили на французские деньги. Скудно, но выжить можно. Взяв узлы, вышли, не прощаясь, во избежание долгих расспросов. Война кончилась, присягу Андрей никому не приносил, стало быть, от обязательств свободен.

Сначала шагалось легко. Дойдя через час до холма, поросшего лесом, переоделись за деревьями. Форму не выбросили, свернули – и в узел. Андрей сомневался, что форма царской армии когда-либо пригодится, скорее всего – дорога как память о лихих и опасных годах, о смуте, перевернувшей Российскую

империю.

Увидев его в гражданской одежде, Иван не смог сдержать смеха.

– Будешь смеяться, кормить не буду! – пригрозил Андрей.

Шутил, конечно, но Ваня посерьезнел.

– Дядя Андрей, я никогда тебя в цивильном не видел. Ты на лавочника похож.

После полудня повезло, их подобрал селянин на подводе, запряженной парой гнедых. Верст десять удалось проехать. Потом снова пешком. К вечеру Иван был уже не так весел, чувствовалось – устал. Да еще было бы питание качественным. После бегства из Крыма прошло уже полгода, и за все это время досыта не ели ни разу. А растущему организму мальчишки требовалась еда. На ночь остановились в рощице у ручья. Съели весь хлеб, запили водой, все лучше, чем с пустым брюхом.

С утра напились воды и снова в дорогу. К полудню вошли в село, в церкви колокола звонят, какой-то праздник. И точно – одна компания навстречу попалась, другая. С песнями, слегка хмельные. И на площади у церкви гуляние, столы накрыты. Удалось усесться на лавку, поесть пирогов и фруктов. А Андрею даже стаканчик сливовицы налили. И никого не интересовало – кто они, откуда? Только в полдень третьего дня вошли в Бургас, сразу к порту направились. Дорогу спрашивать не надо было, ориентировались на портовые краны.

– Ваня, ты побудь где-нибудь, хотя бы у тех ящиков. Только не уходи. Я буду место на пароходе искать. Денег у нас нет, поэтому придется наниматься. Для всех – ты мой младший брат.

– Хорошо.

Ваня за переход устал, но не жаловался, крепился, уселся у огромных ящиков. У причальной стенки стояло с десяток судов. Одно точно пассажирское, белоснежное, с несколькими палубами. Андрей еще подумал – неужели есть путешествующие? В годы Мировой войны даже гражданские суда были призваны. Пассажирские пароходы перевозили раненых или стояли у причалов,

выполняя функции плавучих лазаретов. К этому пароходу Андрей подходить не стал, побоялся, что спросят документы. А к грязному грузовому пароходу, стоявшему следующим у пирса, подошел. У трапа вахтенный матрос. На невообразимой смеси русского и английского Андрей объяснил, что ищет работу. Матрос вызвал помощника капитана.

– Идем в Турцию, работать кочегаром за еду и две лиры в день.

Андрей отказался. Зачем ему Турция? Был он уже там, в Галлиполи. И только у шестого судна повезло. Пароход шел в Марсель, французский город на южном побережье Франции, и механик дал согласие взять Андрея. Условия жесткие – вахты по двенадцать часов у котлов. Оплата – едой и место в кубрике.

– У меня брат есть, мальчик. Можно взять?

– Только пусть под ногами не путается. А если вздумает что-нибудь украсть, вышвырну с борта.

– Я понял.

– Пойдем, я покажу тебе твое место и познакомлю с котельной командой.

Кубрик ниже ватерлинии, недалеко от бункерной ямы, в помещении десять коек в два этажа.

– Твоя! – хлопнул по койке рукой механик.

Команда у котлов разношерстная. Голые по пояс, тела в саже и каплях пота. Механик представил Андрея довольно просто, без имени, сказал:

– Он будет кочегаром у второго котла, выходит сегодня в ночную вахту.

Старший кочегар, похожий на грека, кивнул.

– Обед для команды через час, где камбуз, спросишь у команды.

– Слушаюсь.

Никто не спросил документов. Похоже, механику было все равно, кто стоит у котлов. Пароход должен двигаться, возить грузы, зарабатывать деньги, а кто стоит у котлов – не важно. И как звать кочегара, не играет никакой роли, почти все кочегары – люди временные, на один-два рейса.

Андрей вернулся за Иваном. Мальчик с любопытством разглядывал пароходы, работу портовых кранов.

– Пошли, нашел я нам посудину.

Когда подошли к пароходу, Андрей задержался у кормы, разглядывая незнакомый флаг на флагштоке. Название судна есть – «Санта-Круз», а порта приписки нет. Спросил у вахтенного матроса.

– Понятия не имею, мне все равно, лишь бы платили звонкую монету!

На таком судне, со сборной командой, плыть страшно. Наверняка у судна много технических проблем, да и непонятно, хорош ли штурман? Ведь запросто может посадить посудину на мель возле какого-нибудь из многочисленных островов. Но выбора не было.

Андрей показал Ивану на койку.

– Это моя, придется нам с тобой спать по очереди. Пока я на вахте, ты отдыхаешь.

В кубрике, на камбузе – везде мелкая угольная пыль. Проведешь рукой по переборке, а ладонь черная. На обед чечевичная похлебка, тушеные бобы и чай с хлебом. Кок, по-сухопутному повар, щедро налил в миску. Ели из одной оловянной миски, черпая ложкой по очереди. Так же ели бобы, а чая налили две кружки, а хлеб стоял нарезанный, бери сколько хочешь. Хозяин и так прижимистым был, работа кочегара требует больших физических усилий, а мяса в рационе не было, экономил владелец судна. Впрочем, на ужин была тушеная капуста и кровяная колбаса. Не мясо, но уже сытно. Иван на койку в кубрике лег, а Андрей отправился на вахту. В котельном отделении жарко, как в

преисподней, навскидку градусов сорок пять, пот сразу градом. Поскольку судно стояло, топили только один котел, да и то не в полную силу, только чтобы обеспечить электроэнергией, да привести в действие вспомогательные механизмы вроде грузовых лебедок. Судно еще продолжало загружаться, один из люков трюма был открыт, и на палубе работала трюмная команда.

У работающего котла стоял кочегар, имеющий опыт, он объяснил, как топить. Целая наука. Надо смотреть в топку и бросать лопатой уголь туда, где он прогорел, чтобы не обнажились колосники, иначе холодный воздух быстро охладит котел, и давление пара упадет. Тогда можно и плетью по спине получить. Порядки на корабле были драконовские, как при рабовладельческом строе. Андрей решил перетерпеть, плавание не должно быть долгим. Он ошибался, по пути в Марсель судно заходило почти в каждый порт. Выгружали грузы, загружали мелкие партии ящиков, бочек, потом переход до следующего порта на побережье.

Когда вышли в море следующим утром, Андрей понял, что топить котел на стоянке значительно легче. За смену приходилось перекидывать большой совковой лопатой до пяти-шести тонн угля, да не с места на место. Сначала из бункерной ямы поближе к котлу, затем из кучи уже в котел, тщательно следя, чтобы уголь равномерным слоем лег. Особенно не просто закинуть в дальние углы, учитывая, что котел огромен и площадь колосников велика, как небольшая комната.

Обычно вахты на пароходах длятся по четыре часа, в непогоду, когда качает, даже их выстоять не просто. Средиземное море это не Баренцево, штормов нет, тепло даже зимой. Но двенадцатичасовая вахта выматывает сильно. Накидаешь угля, на колосниках ровный слой, горит ровным жаром. Только присядешь на кучу угля, глядь, а на манометре стрелка вниз ползет. Пот глаза заливает. Слабым физически Андрей никогда не был, но с вахт падал на кровать без сил. Толстым или упитанным не был никогда, но за несколько вахт согнал крохи жировых запасов. Держался, но молил Бога, чтобы быстрее добраться до Марселя. Если бы вахты были короче да питание соответствовало высоким трудозатратам, он перенес бы плавание без такого напряжения. Зато Иван стал всеобщим любимчиком. От скуки, из любопытства, он исследовал все помещения. Иной раз без всяких указаний то палубу начинал драить, как заправский юнга, то приборку устраивал в кубриках или каютах офицеров. То ли инициатива кока была, то ли старпом или механик указания дали, а Ивану стали еду отдельно давать. Раньше пайку приходилось на двоих делить. Стало

посытнее.

После каждой вахты, пока Андрей спал, Ваня ухитрялся постирать его форму. Цивильную одежду, полученную от священника, Андрей приберегал, работал в военной, полагал – не пригодится больше никогда. Андрею некогда было любоваться прекрасными видами берегов, проплывающих мимо, когда судно подходило к очередному порту. Фактически осуществляло каботажное плавание по российским меркам. В один прекрасный день пароход все же вошел в гавань Марселя. Конечно, не у набережных, где совершали променад барышни и господа, а у края бухты, в грузовом порту.

– Все, Ваня! Мы оговоренную работу сделали, собирай вещи, сходим на берег.

А какие вещи, если у каждого по скромному узлу? Все же доложился механику. Тот посмотрел, как на пустое место.

– Иди.

Сошли по трапу, а куда дальше? Ночевали в ночлежке для моряков, там же съели благотворительный обед. Настроение поднялось. В те времена город был чуть ли не главным портом в стране, но промышленность легкая – выпускали ткани, давили оливковое масло, варили мыло и стекло. Андрей поинтересовался работой, в основном сельскохозяйственная и оплата мизерная. Из истории знал, что большая часть иммигрантов осели в Париже и пригородах. Потому решил – добираться в столицу. Денег нет, придется идти пешком, да еще останавливаться по дороге – подрабатывать на еду. Оттягивать выход не стал, вышли утром, как солнце встало. Отшагали километров тридцать, остановились на ночлег в маленьком городке. Лавки уже не работают, закрыты. Андрей хотел купить хлеба, все же пятьдесят франков у него есть. Спать улеглись на траве рядом с церковью. Утром проснулись от звона колокола. Андрей решил подождать, пока откроются продуктовые лавки неподалеку. А Иван не терял время, встал недалеко от входа, на паперть, в руке перевернутую кепку держит, милостыню просит. Стыдно Андрею стало. Он русский офицер, а его приемный сын на паперти милостыню просит.

– Ваня, бросай это дело.

– Голод не тетка, подадут.

За час стояния набросали по мелочи шестьдесят два франка. Как раз и лавки открылись. При каждой хлебной лавке своя пекарня, запахи идут дразнящие. В лавку зашли, а французским не владеют. Многие дворяне из русских французский учили, говорили на нем, как на родном. Родители на образование денег не жалели, выписывали в свое время учителей из-за границы, а еще гувернеров, учили хорошим манерам. Благодаря этим обстоятельствам русские дворяне легко влились в жизнь французской столицы. Солдатам или офицерам не дворянского происхождения пришлось хуже.

Пришлось изъясняться на пальцах. Андрей ткнул пальцем в багет, такой длинный, тонкий батон, потом потер большим и указательным пальцем. Жест международный, понятный всем. Хозяин лавки назвал цену, но это как разговор слепого с глухим. Тогда хозяин на клочке бумаги карандашом написал сумму. Другое дело! Андрей прикинул, кроме хлеба хватало на кусок сыра, около двухсот граммов.

Рассчитались, хозяин лавки уложил покупки в бумажный пакет. Отойдя от селения, устроили в рощице привал, съели все подчистую. Жизнь сразу повеселела. Напились воды из ручья. Андрей пожалел, что не прихватил со службы солдатскую фляжку, сейчас бы пригодилась. И дал себе слово – при первой же возможности учить язык. Жить во Франции придется долго, не исключено – всю жизнь. А без знания языка – никуда. Ни в магазине продукты купить, ни на работу устроиться. До полудня прошли километров десять. Удивляла плотность населенных пунктов. Только прошли село, как виднеется хутор или деревня, а то и город. Это не Россия, где можно полдня идти и не встретить жилья, особенно к северу от Москвы, не говоря о Сибири. Наделы селян небольшие, аккуратно возделанные, совсем не российские обширные поля.

За поворотом дороги, за деревьями увидели легковую машину прямо на проезжей части. Капот поднят, шофер копается в моторе. То, что это шофер, сомнений нет. Очки-консервы на фуражку подняты, за поясной ремень заткнуты перчатки-краги. Поближе подошли. Салон для пассажиров закрытый, а водительское место без крыши, открытое всем ветрам и дождю. Насколько помнил, такой тип кузова назывался ландоле. Понятно, шофер из нанятых, не хозяин. Хозяин в салоне восседает с мадмуазель в шляпке, курит сигару.

На капоте обозначение автомобиля есть, только Андрею неизвестно. После Первой мировой во многих странах появилось множество автомобильных фирм, которые так же быстро исчезали, просуществовав несколько лет. Ну кто, кроме историков, помнит «Панар – Левассор» или «Испано – Сюиза»? А ведь были в свое время фирмы известные, на их машинах ездили богачи.

Андрею интересно стало, да и какой русский пройдет мимо автомобиля с поднятым капотом? Подошел, поздоровался кивком головы. Шофер начал что-то лопотать. Без его разъяснений понятно, что заглох. Электрооборудование тогда шестивольтовое было, а зажигание – от магнето. А вместо стартера – заводная ручка, острословы в России прозвали ее «кривым стартером».

– Искра есть?

Что толку спрашивать, если языка не знаешь? Оборудование незнакомое, но если приглядеться, назначение понятное. Карбюратор с магнето не спутаешь.

Андрей открутил пальцами гаечку, снял высоковольтный провод со свечи. Раньше провода крепились именно так, а сейчас быстросъемные колпачки, хотя с тех времен осталась на свечах резьбовая часть на центральном выводе. Шоферу показал – крути ручку, мол. Француз жест понял, ручку провернул довольно шустро. Андрея ударило напряжением, он вскрикнул, отдернул руку. Зажигание в порядке. Если мотор не заводится, главных причин две – или нет в цилиндрах горючего или нечем поджечь, не работает свеча. Зажигание проверено, остается питание бензином. Андрей поставил провод на свечу, закрутил гайку. К карбюратору бензопровод медный идет. Провел по нему рукой. Бензонасоса-то и нет, бензин к карбюратору самотеком идет, а бензобак почти под лобовым стеклом стоит и пробка по центру.

– Ваня, сорви мне ветку.

Ваня тут же просьбу исполнил. Андрей пробку отвернул, ветку опустил, вытащил. Бензин в баке есть, пробка от бензина мокрая. Указателей бензина на автомобилях той эпохи не было. По логике – карбюратор не работает. За всеми действиями Андрея внимательно наблюдал шофер. То ли контролировал, то ли учился, своего рода дорожная карта, наглядная инструкция по ремонту авто в полевых условиях.

– Инструменты дай! – попросил Андрей шофера.

И рукой жест, как будто гайку откручивает. Француз достал из-под сиденья дерматиновую сумку с инструментами. Андрей снял карбюратор, разобрал. Надо продуть, скорее всего, какой-то жиклер забился. А как сказать – насос нужен? Показал, вроде колесо накачивает. Шоферские жесты одинаковы во многих странах. Понял француз, из багажника ручной насос достал. Андрей продул все каналы и жиклеры, собрал карбюратор, на место установил. Несмотря на общую примитивность многих автомобильных узлов, карбюратор был устройством сложным. Андрей перекрестился.

– Ну, с богом! Крути, француз!

И показал на заводную ручку. Несколько оборотов, и мотор завелся, заработал ровно. Француз только и сказал.

– О!

– Ну, бывай!

И так задержались на час. Андрей вытер руки тряпкой, которую шофер услужливо подал. Уже повернулся уходить, как открылась дверца, из машины вышел солидный господин в костюме, что-то сказал. Андрей только и вспомнил:

– Никс фирштее.

Почему на немецком, сам не понял. Тут же поправился:

– Ноу андестенд.

Господин кивнул, достал из внутреннего кармана пиджака бумажник крокодиловой кожи, достал купюру, протянул. Ну что же, не подаяние, оплата за работу, почему не взять? Андрей деньги взял, кивнул.

– Спасибо.

А господин ему еще бумагу протягивает. Присмотрелся Андрей – визитка. На французском – реквизиты господина, адрес.

– Спасибо!

И в карман брюк убрал. На кой ему визитка? Они разных «весовых» категорий. Господин явно из богатых, машина, личный шофер. А он – эмигрант, человек без гражданства, без профессии, дома, семьи, денег. Можно сказать – бомж. Но не выбрасывать же на глазах у господина? Тем более разговора о вознаграждении не было, богатенький француз сам решил заплатить за помощь.

– Пойдем, Ваня.

Через полсотни метров автомобиль их обогнал, обдав запахом сгоревшего бензина и пылью из-под колес.

Дошли до небольшого городка. Андрей сразу услышал характерное дыхание паровоза. Чух-чух-чух! А потом гудок. В городе есть железная дорога, станция! Обрадовался Андрей. Ехать в пассажирском вагоне – денег, может, и не хватит, так грузовые поезда есть, как-нибудь доедут. Ехать уж всяко лучше, чем идти.

– Ваня, нам на станцию.

По дороге купюру из брючного кармана выудил, что господин вручил. Сто франков. А что на них купить можно? Масштаба цен он не представлял. На вокзале пассажирский состав из семи вагонов, паровоз маленький, колея узкая. Все – как игрушечное, как детская железная дорога. Только она не детская, пассажиры с вещами садятся. Занятно, вход в каждое купе через свою дверь и общая подножка вдоль всего вагона идет. Где же у них билетные кассы? Андрей с Иваном подошли к вокзалу. Перво-наперво надо прочитать название города на фасаде вокзала, определить местоположение. Сказывалась военная выучка. Название оказалось коротким – Арль. Андрей ринулся в здание вокзала. Где кассы? А дежурный по вокзалу уже бьет в колокол на перроне.

Бам! Бам!

Две склянки, поезд вот-вот отправится. Андрей решился.

– Бежим!

Выбежали на перрон – и к поезду. Андрей бежал вдоль состава, высматривая пустые места в купе. Одно вообще пустое, он распахнул дверь.

– Ваня! Шустрее!

Парень заскочил, а дежурный уже три склянки в колокол пробил, давая отправление. Паровоз дал гудок, окутался паром, вагоны медленно поехали. Андрей заскочил в купе вслед за Иваном. Будь что будет! Билетов нет, и любой контролер запросто их высадит на ближайшей станции. Хуже, если сдаст в полицию. И контролер не заставил себя ждать, зашел в купе. Железнодорожная форма, в руке компостер.

– Мсье, ваши билеты! – контролер обратился на французском, но Андрей понял.

Он достал из кармана деньги, врученные господином.

– Ту тикет, – произнес он на английском.

Француз начал что-то лопотать. Андрей разбирал только некоторые слова. Похоже – он говорил о городах. Похоже – спрашивал конечный пункт.

– Париж.

Контролер удивился.

– Но, мсье! Дижон!

Кажется, поезд идет только до Дижона. Андрей кивнул. Контролер протянул ему два картонных билетика и сдачу – две купюры по десять франков. Дороговато поездка обходится! А впрочем, если идти пешком, денег на провизию уйдет больше. К тому же поезд идет километров пятьдесят в час, судя по пейзажу за окном. А пешком они одолеют такую дистанцию за два дня. Поезд прибыл в Дижон только к вечеру следующего дня. Им в дороге удавалось только брать чай у проводника, без сахара, без печенья. И в Дижоне сошли уже без сантима в кармане и очень голодные.

– Ваня, надо подработать, иначе с голоду загнемся.

Город незнакомый, крупный, по меркам тех лет. Надо искать ночлег, работу. Спать устроились на вокзале, в зале ожидания на втором этаже. Полицейский зашел в зал один раз, прошелся между рядами, но Андрея и Ивана не тронул.

Все лучше, чем провести ночь на улице. А что лавки жесткие, так не привыкать. Утром даже умылись в туалетной комнате.

После войны, на которой погибли сотни тысяч молодых людей, страна нуждалась в рабочих руках, в первую очередь – квалифицированных. Носить кирпичи, убирать улицы или сажать овощи могли толпы хлынувших эмигрантов. Франция принимала несколько потоков – русские, армяне, арабы. Что умел молодой человек, мобилизованный в армию после школы? Ничего, кроме как стрелять или рыть окопы. Любому ремеслу учиться надо, а это время и деньги. Андрей не собирался задерживаться в Дижоне надолго. Дня два-три, ну неделю. Искать на короткое время жилье не хотелось, и главная причина – не было денег на аренду. Андрей прикинул свои возможности. Умение летать или командовать батареей пушек в ближайшей перспективе востребовано не будет. Вот автомехаником можно, навыки и знания есть, благо никакой электроники в машинах еще нет, иначе без диагностических приборов делать нечего. Еще водителем мог быть, но это уже на перспективу. Кто будет брать шофера на два-три дня? Тогда правильное написание было «шоффер», именно так. Знакомых в городе нет, языка не знает, совсем кислая ситуация. Да еще и города не знает, а это важно. Заводы или мастерские располагались на окраинах. Впрочем, виллы людей богатых тоже на окраине, но не там, где чадящие трубы производств.

Решил идти по улице, может и повезет.

– Ваня, давай встретимся здесь вечером.

– Хорошо.

Не дело оставлять мальчишку одного, без денег, без еды, в незнакомом городе, а выбора нет. Позже Андрей вспоминал время от Галлиполи и до Парижа самым трудным, физически и морально. Одних трудности закаляют, других ломают, естественный отбор.

Андрей направился по одной из улиц, быстро понял – не туда, поскольку двух-трехэтажные дома кончились, пошли особняки за заборами. Здесь работы не найти, а если и есть, без рекомендации не возьмут. И свернул на перпендикулярную улицу. Кварталов через пять-шесть начали появляться мастерские, судя по картинкам на вывесках. Эх, знать бы еще язык! Одна надпись едва не подвела. Прочитал по латыни – гараж. Ну, гараж он и в России гараж. Однако во Франции это была не крытая стоянка автомобилей, а именно мастерская. Андрей уже миновал кирпичное строение, как распахнулась половина ворот, из них выбежал молодой парень. На нем кожаный фартук, руки в мазуте, явно мастеровой. За ним пожилой абориген, сыплет ругательствами, кулаками грозит. Видимо – набедокурил молодой. Парень отбежал, выругался по-польски, фартук с себя сорвал, швырнул на тротуар и зашагал восвояси. Андрей фартук подобрал, пошел к воротам, намереваясь вернуть. Пожилой француз фартук взял, поблагодарил.

– Мерси, мсье.

Андрей в открытые ворота заглянул. Стоит грузовик, капот поднят, рядом слесарный верстак – тиски, инструменты лежат. Андрей пальцем показал на грузовик. Дескать – можно взглянуть? Хозяин как-то обреченно махнул рукой. Андрей подошел, заглянул под капот. Ага, водяная помпа снята. Он обернулся, так и есть, помпа за тисками лежит. Подошел, взял в руки. Подшипник изношен, большой боковой и осевой люфт. Такая помпа будет течь, а двигатель перегреваться. Андрей подобрал инструменты, выбил подшипник из гнезда. Все это время хозяин смотрел, как и что делает незнакомец.

Андрей протянул хозяину негодный подшипник.

– Надо новый.

Сказал-то по-русски, но хозяин понял. Он подошел к ящику, достал коробку, из нее уже новый подшипник. Андрей примерил по гнезду, по валу помпы – он! Посадил аккуратно, через деревянную проставку, боковым зрением увидел одобрительный кивок хозяина. Помпу собрал, смазал, поставил на двигатель. Залил воды в радиатор из ведра, взялся за заводную ручку, покрутил. Хозяин, кряхтя, забрался в кабину, все же подножка высокая, включил зажигание. Андрей резко крутнул ручку, мотор заработал. Андрей выждал, пока двигатель прогреется, отверткой подрегулировал обороты на карбюраторе. Хозяин из кабины выставил кулак с поднятым вверх большим пальцем. Андрей встал на

четвереньки, заглянул под машину. Нигде не видно ни потеков, ни капель. Хозяин рукой показал – открой створку ворот. Не тяжело, открыл, а хозяин грузовик выгнал и уехал. Андрей выскочил на улицу и смотрел вслед. Странно. Оставил его в мастерской и уехал. Андрею-то что делать? И ворота нараспашку, уйти нельзя, инструменты украсть могут. Решил немного подождать, должен же хозяин вернуться? Он и вернулся почти через час, когда терпение Андрея иссякло, и он собирался ворота прикрыть и уйти. Хозяин приехал на черном легковом автомобиле, загнал в мастерскую. Машина присела на заднее правое колесо, хотя давление в покрышке явно в норме. Андрей заглянул под машину, благо клиренс большой, кузов высоко над дорогой стоит. Неисправность искать не надо, рессора сломалась. Да немудрено, не все дороги были хорошего качества. Андрей машину поддомкратил, рессору снял, изрядно помучившись, ибо рессорные пальцы уже приржавели. Но молоток и крепкое русское словцо помогли. Хозяин рессору осмотрел, покачал головой. А что ее смотреть, если два листа из пяти пополам лопнули? И в мастерской новые листы не сделать. Надо или листы искать, или всю рессору целиком. А впрочем, это дело хозяина. Андрей здесь никто, разговора о работе с хозяином не было и, похоже, день прошел впустую. Он взял тряпку, смочил керосином, вытер кисти рук от масла. Надо уходить. Жаль, что с подработкой не получилось. Однако хозяин толкового работника упускать не хотел. Достал бумажник, выудил несколько купюр, протянул Андрею. Потом из часового карманчика вытянул карманные часы, открыл, пальцем показал Андрею на цифру «8». Так, договаривается на восемь утра. Андрей кивнул. Настроение сразу поднялось. Есть деньги на еду и перспектива работать завтра. Дошел до ближайшего угла, посмотрел на таблички, запомнил перекресток, чтобы завтра не плутать. Ох, эти нечитаемые длинные окончания французских названий! Свернув за угол, зашагал в сторону вокзала, на ходу достал из кармана деньги, посчитал. Восемьдесят франков. На хлеб и колбасу, а может, и полноценный обед для двоих точно хватит. Добрел до вокзала, поднялся в зал ожидания. К его удивлению, Иван был здесь. Мало того, считал монеты.

– Ты где деньги взял? – удивился Андрей.

– Вещи пассажирам подносил, от вокзала к поезду, и наоборот. У женщин мои услуги нарасхват были.

С одной стороны, Андрей доволен. Не нахлебник растет, сам старается копейку добыть, то бишь французскую мелкую монету. А с другой – ему за партой надо сидеть, учиться. Без образования и профессии так и будет носильщиком всю

жизнь. Но школа – это позже. Сейчас первая задача – выжить в трудных условиях.

Направились в кафе, взяли мясного, суп, булочки с чаем. Впервые за два дня сытно поели. Андрей посчитал деньги.

– Завтра снова иду на работу. Нам бы дня три продержаться. Тогда на еду хватит и на поезд до Парижа.

– А на кой нам Париж сдался? – задал вопрос Иван.

– Там русских беженцев много, церкви православные есть.

– Где много беженцев – нет работы, – резонно рассудил мальчик.

– Мне работа найдется, я уже точно знаю. А при церквях есть церковно-приходские школы, это для тебя, чтобы неучем не вырос. Вот ты в школу ходил?

– В гимназию, три класса окончил, – солидно ответил Иван.

Как будто университет за плечами.

– Идем на вокзал, отдохнуть надо. Постой, а где наши узлы? – спохватился Андрей.

Все бы ничего, в узле у него поношенная офицерская форма. Но главное – «Кольт» и пара пачек патронов, а еще «Наган» Ивана. Привык он к оружию. А еще «Кольт», купленный им в Петербурге, был единственным напоминанием о той спокойной и интересной довоенной жизни, когда ни немцев не было с их кайзером, ни большевиков. И не случись октябрьского переворота, страна и дальше бы развивалась. В 1914 году Россия занимала пятое место в мире по ВВП, с 7,4 % процента. По подсчетам экономистов, не случись революции, Россия к 1940 году заняла бы второе место, уступив США. А ныне Путин мечтает, чтобы вывести Россию на пятое место в мире по производству, и страна имеет ничтожные два процента мирового ВВП по сравнению с 25 % США или 12 % Китая. Хотя относительно других стран Россия ресурсами богата, однако добывать их в нашем климате тяжело и накладно. Так что лгут те, кто

утверждает, что Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой.

– Да я их оставил под приглядом.

Оказалось – в камере хранения. Андрей удивился. Ну до чего парень шустрый, быстро новое воспринимает. Надо его учить, будет толк.

Задержались не на два-три дня, как рассчитывал Андрей первоначально, а на все десять. Андрей в гараже приличные деньги заработал, Иван тоже нахлебником не был. А деньги были нужны. В Париже где-то устроиться надо на работу. Сразу, может, и не найдешь, да с жильем определиться. Хоть бы знакомые были, помогли, подсказали на первых порах. Да еще незнание языка вставало непреодолимым барьером. Кое-какие слова Андрей, как и Иван, усвоили – «да», «нет», «добрый день» и еще десятка три, простеньких.

Андрей остро ощущал, что незнание языка – это главное препятствие. Для французов он глух и нем, и хорошей работы не получить. Прислушивался, как говорят французы, читал вывески.

Экономили на всем, удалось собрать около тысячи франков. Андрей решил – надо ехать. И вечером сели в поезд «Дижон – Париж», да не зайцами, а купив билеты. Места только для сидения, но пассажиров было мало и удалось лечь и выспаться. Париж встретил пасмурной погодой, но без дождя. Рядом с вокзалом газетные киоски. В глаза бросилось русское название – «Слово». Не удержался, подошел. А газет на русском оказалось несколько – «Русская мысль», «Парижский вестник», «Земля» и «Воля», «Жизнь», «Вестник Донской Армии». Скупил все, не пожалев денег. На последней странице газет объявления о работе, причем все на русском, для него момент важный. Уселись на лавке, на привокзальной площади, Андрей быстро газеты просмотрел. О! Деньги потрачены не зря. Одно объявление заинтересовало.

«При соборе Святого Александра Невского открыты воскресные бесплатные курсы французского языка. После – благотворительный обед».

Это то, что надо. Андрей даже не подозревал, что в Париже есть православные церкви, а тут собор. Снова вернулся к газетному киоску, купил карту Парижа, правда, довоенного выпуска, несколько устаревшую. Нашел собор на рю Дару. Если пешком – далеко. Кое-как объяснился с прохожими, помогла карта, ткнул

пальцем. По городу омнибусы ходили, трамваи. Добрались, дальше дорогу не спрашивали, храм издалека виден, построен в византийском стиле. Позже Андрей узнал, что собор освящен был в 1861 году и деньги на его постройку в числе прочих давал и русский царь.

Перекрестились перед входом, вошли. Сразу русским духом повеяло, запах ладана, восковых свечей, лампадного масла. Вроде как в Россию перенесся, ажно слеза пробила. Нашли дьячка, который помог. Объяснил, где можно снять квартиру, недалеко и недорого. Андрей вцепился в дьячка, как клещ.

– Есть ли русские, знающие французский, как родной?

– Как не быть? Многие тысячи прибыли с эмиграцией.

– Уроки брать хочу, за деньги.

– Вполне возможно, приходите к вечерней молитве, познакомлю.

И по воскресной школе выяснил, и по церковно-приходской школе для детей. Да еще, оказывается, была гимназия для детей, где и на русском, и на французском уроки шли, для Ивана в самый раз. Вопросов было много, дьячок старался ответить обстоятельно, видно было – не впервой. Андрей почувствовал – утомил уже служителя.

– Последний вопрос. Вы по-французски читаете?

– Обижаешь, сын мой. Я во Франции двадцать лет как.

– Что тут написано?

И Андрей протянул визитку, полученную от господина в сломавшемся автомобиле. Визитка уже потерлась. Андрей решил, если человек чем-то помочь сможет, то навестить. А ежели нет, так зачем визитку таскать? Дьяк визитку взял, прочел. Поднял удивленно глаза на Андрея, прочитал еще раз.

– Где вы ее взяли?

– Что в ней такого необычного?

– Это Дидье Маржери, управляющий заводом «Рено» в пригороде Парижа, Бийанкуре.

– Автозавод? – уточнил Андрей.

– Да, конечно. Тысячи рабочих там трудятся, и попасть туда на работу не просто. Считайте, вам повезло.

Ну, повезло или нет, еще неизвестно. Помог Андрей, француз расчувствовался, дал денег и визитку. А сейчас и не вспомнит небось. Но сохранить визитку надо, вдруг пригодится?

Для начала отправились в кафе по-соседству. Вывеска на французском, а владельцы русские, как и официанты. И меню на русском, что порадовало, и большая часть кушаний русские – борщ, пирожки, каша по-гурьевски, окрошка, картошка с селедкой. Ну да, храм русский рядом, посетители русские. Андрей еще не знал, что прибывшие с эвакуацией россияне, неважно, кто они были по национальности – русские, татары, армяне, евреи, открыли в Париже торговые и питейные заведения: магазины, рестораны, кафе. Понятно, что люди это были не бедные, потому как не имевшие денег или не сумевшие их вывезти из большевистской России продавали свою рабочую силу: шли швейцарами, дворниками, таксистами из числа знавших французский и умевшие водить. Причем нашли себя и русские артисты вроде Федора Шаляпина или Жоржа Северского.

Как соскучились Андрей и Иван по национальной кухне! Борщ заказали с пампушками, как принято в Малороссии было, котлеты по-пожарски, да с картошечкой. Вот только ржаного хлеба не было. Белый во Франции отменный, а черного и нет вовсе.

Потом по указанному дьяком адресу отправились. Дом трехэтажный, из числа доходных, довоенной постройки, почти целиком был занят русскими эмигрантами. От собора в двух кварталах, считай – рядом.

Хозяин француз, но по-русски вполне понятно говорит. Однокомнатную квартирку на третьем этаже сняли сразу. Хозяин взял плату за месяц вперед –

восемьдесят франков, дал ключ. Комната площадью метров четырнадцать, кухня полтора на полтора метра, совмещенный санузел, ванны нет, зато душ. Вот уж чему Андрей и Иван были рады. Выспросив у хозяина, где магазины, отправились туда. Андрей купил белье и рубашки себе и Ивану, полотенца, зубные щетки и одежную, для обуви. Пришлось матерчатую сумку для покупок купить, в руках не унести. Вернувшись, с наслаждением смыли дорожную грязь, да чистое исподнее надели. Благодать! Комната меблированная – шкаф, стол, кровать и диванчик. И больше свободного места нет. Но им двоим хватит вполне. После душа Андрей прилег на несколько минут и позорно уснул. Растолкал его Иван.

– Вставай, брат!

Братом Андрей повелел его называть еще на пароходе, так и повелось, проще объяснять окружающим. Не объяснять же, что сын батареи. Тогда и понятия не было, что такое «сын полка». Времена были тяжелые, и судьба чужих детей мало кого волновала.

А ведь верно, пора идти в собор на вечернюю службу. Придя в храм, отстояли службу, подошли к дьяку. Тот об обещании не забыл, свел их с довольно пожилым мужчиной. На нем форма русского чиновника средней руки, по сюртуку в два ряда бронзовые пуговицы с двуглавыми орлами.

Договорились об индивидуальных занятиях для Андрея и Ивана, с почасовой оплатой уже с завтрашнего дня. Без знания французского никак, но язык за неделю не освоишь. Но все же стали проглядываться перспективы. Как всегда, вставал вопрос денег. Уже через месяц платить за квартиру, этот месяц им двоим кушать надо, а еще за занятия платить. И ни один пункт не вычеркнешь, нужен.

У хозяина дома Андрей выяснил, где этот пригород – Бийянкур. Поужинали в арендованной квартире булочками. Андрей подосадовал, что позабыл купить чайник. Хочешь не хочешь, а надо обзаводиться кое-какими предметами – чайником, кружками-ложками, тарелками, даже кастрюлей.

Но завтра – искать работу. Денег осталось мало, и без работы, без заработка уже через неделю кушать будет нечего.

До завода добрался с трудом, получилось с двумя пересадками. Хотя можно было ехать из Парижа по девятой линии метро до конечной станции – Сен-Клу, а потом четверть часа пешком, или на трамвае номер один, почти до завода. Завод «Рено» в западном пригороде Парижа. С севера – Булонский лес, с юга и запада район омывают воды Сены. А через реку, видно отлично, конкурент «Рено», завод «Ситроен». В пригороде были также расположены авиазаводы «Блерио» и «Фарман». До 1939 года район был привлекателен из-за низких цен на аренду жилья и тут – всего восемь километров от центра Парижа! – селились художники, скульпторы, архитекторы. Для работы им требовались большие по площади студии, в самом Париже это были бы большие деньги.

У проходной толкался народ, много русских. Приток русских на завод был с 1922 по 1931 год, а пик пришелся на 1924 год. Заводчики к русским относились благосклонно, потому как трудились они усердно и ответственно. А эмигранты шли на автозаводы, потому что рабочий день был восемь часов, с семи утра, и был полуторачасовой перерыв на обед с 12 до 13.30, неквалифицированному рабочему платили 2 франка 85 сантимов в час. Конечно, работа монотонная и перекуров не бывает, поскольку с 1922 года на сборке стоит конвейерная линия. Завод выпускал по триста автомобилей в день, а к 1929 году достиг выпуска 500 штук в день, по тем временам очень прилично. Конкуренция дремать не давала, почти все время шли усовершенствования, или вместо одного типа кузова, скажем, ландоле, начинали выпускать фаэтон или кабриолет.

Андрей протолкался через толпу страждущих устроиться на завод, сунул под нос охраннику визитную карточку. Прочитав, тот отступил в сторону. Конечно, вид у Андрея непрезентабельный. В пути пиджак, уже поношенный, пообтрепался. Да и видел Андрей парижан, одевались без шика, но одежда добротная. А он похож на эмигранта, а то и на французского клошара, по-современному – бомжа.

Начальство располагалось на втором этаже заводоуправления. Секретарша сначала осмотрела его презрительно, но визитка сыграла свою роль. Если человек вручил свою визитку другому, то он явно рассчитывает на повторную встречу.

Его впустили. Кабинет большой, обставлен солидной мебелью. Кожаный диван у окна, длинный стол с рядом стульев, стол самого управляющего.

Войдя, Андрей поздоровался.

– Бонжур, мсье Дидье.

Управляющий, почти не глядя на Андрея, буркнул приветствие. Он просматривал и подписывал бумаги. Андрей молчал. Дидье, удивленный молчанием, поднял голову, присмотрелся. Ему наверняка приходится общаться каждый день с десятками людей, но сомнительно, что с эмигрантами. Его уровень – начальники цехов, главный конструктор, финансовый директор завода, владельцы фирм-поставщиков. Автозавод – сборочное производство. Ни один подобный завод не производит сам всю номенклатуру. Кузов – да, зачастую двигатель. Но краску, масла, покрышки и прочее – удел других фирм. А сейчас его взору предстал эмигрант. Первой мыслью Дидье было – как его пропустили? Потом увидел свою визитку в руке непрошеного гостя. Узнал все же, улыбнулся, нажал кнопку на столе, что-то сказал секретарше. Потом показал на стул. Андрей сел, и Дидье продолжил подписывать бумаги, как будто Андрея и не было. Уйти? Но его не просили выйти. Через несколько минут в кабинет вошел, судя по одежде, бригадир или начальник участка, поздоровался. Оказалось – француз, но знал русский, Дидье его вызвал в качестве переводчика.

– Ваше имя? – перевел француз.

– Андрэ, – на французский манер переиначил свое имя Андрей.

– Вы бы хотели работать на заводе?

– Если можно.

– Хорошо. Эмиль, отведите его в отдел кадров. Предупреждаю – сначала простым слесарем-сборщиком. Дальнейшее повышение по службе зависит от вас. Мне бы хотелось думать, что я не ошибся.

Так Андрей попал на завод. А вечером с Иваном пошел на занятия по французскому. Надо признать, Иван осваивал язык быстрее и легче. Для начала – алфавит, построение фраз, ударения в словах.

Началась другая жизнь. Месяц Андрей клепал рамы к автомашинам. Понятное дело – не один. Сначала показали, научили. Да и работали они парой. Один держит разогретую докрасна заклепку, другой бьет молотом. Держать

физически легче, Андрею «доверили» молот. На квартиру он возвращался без сил.

Глава 2. «Неожиданная встреча»

Через два месяца втянулся, норму стал перевыполнять, брака не стало. И его перевели на сборку колес. Кто не знает, на легковых авто тех лет колеса были спицованные. Обод, ступица, спицы. От правильной затяжки спиц зависела геометрия колеса. Неравномерно затянул, колесо восьмерки выписывать будет. Сначала не получалось. Потом пару часов наблюдал, как делают регулировку опытные мастера.

Не сразу, но и на этом участке стало получаться. Как только норму без брака стал перевыполнять, его на другой участок перевели, на покраску кузовов. Машины тех лет имели раму, к ней прикручивали передний и задний мост, ставили двигатель, радиатор, коробку передач. А потом сверху лебедкой ставили окрашенный, с сиденьями, кузов, прикручивали, и машина готова. На покраске Андрей задержался на три месяца. Нитрокраска вонючая, но сохнет быстро. Надо успеть ровно положить на железную поверхность несколько слоев, а потом в сушильную камеру.

Некоторые детали после сушки и осмотра контролером приходилось перекрашивать. Но и здесь руку набил.

Что радовало – за прошедшее время стал сносно говорить на французском. Занятия с учителем и «погружение в среду», как ныне говорят, дали свои результаты. Иван, сначала посещавший церковно-приходскую школу при храме, язык выучил отлично, говорил чисто, без акцента. Андрей вроде и не родной отец, а рад успехам парня. Посоветовались, и он отдал Ивана во французскую школу. И язык хорошо освоит, и документы об образовании потом получит. Сам же Андрей получил «нансеновский» паспорт. В 1924 году Франция признала большевистский СССР, в Париже появилось посольство Союза. Все русские эмигранты быстро распались на два лагеря. Одни категорически не принимали большевиков, радовались их неудачам. Во время Второй мировой войны они вступали во французские дивизии СС или армию Власова. Хотели помочь победить Союз и вернуться туда хозяевами. Эти люди вступали в

организованный бароном Врангелем первого сентября 1924 года «Русский общевоинский союз», сокращенно РОВС, главой которого стал генерал Александр Павлович Кутепов. В дальнейшем РОВС стал получать от зарубежных стран финансирование и другую помощь, стал засылать в СССР разведчиков в попытках создать разветвленную террористическую сеть.

Но были и другие люди. Они искренне желали покинутой Родине добра, следили за ее успехами по газетам.

Андрей не примыкал ни к тем, ни к другим. Политика – не его дело. Он признал, что белые проиграли. А сейчас надо обустраивать свою жизнь в чужой стране, стать почти своим. Почти, потому что эмигрант в первом поколении имеет другие корни, думает на родном языке и воспитание у него чужое.

Тем более на работе продвигаться стал. Его перевели на сборку двигателей в моторный цех. Сюда брали рабочих только квалифицированных, давали освоить все операции, что непросто. У Андрея сложилось четкое впечатление, что его переводы – дело рук управляющего, Дидье. Через бригадиров, мастеров следит за Андреем и, похоже – пока доволен. И правда, начав с подбора поршней по весу, перешел к сборке головки, притирке клапанов. Эти работы довольно высокой квалификации. И получал он уже за час не 2 франка и 85 сантимов, а 8 франков и 70 сантимов. И сам оделся, как француз, чтобы не выделяться, и Ивана одел-обул. Парень растет, и одежду приходится менять как минимум два раза в год – весной и осенью, как и туфли. Месяц проходил за месяцем, и в один из дней его назначили бригадиром смены. К должностям он не стремился, среди начальства почти все были французы. Но повышение было приятно. Не доносами или лизоблюдством должности добился, а трудом. Но признавал – не будь той встречи на лесной дороге с Дидье, так бы и был на клепке рам. Новая должность – более высокая зарплата. Хоть и носил на заводе рабочий халат, но уже не замасленный, и руки чистые.

Начал подумывать завести счет в банке и копить деньги на собственное жилье. Потому как было твердое ощущение, что в СССР не вернется. Были люди, поверившие большевикам и вернувшиеся в страну. И с тех пор родня или знакомые во Франции не получили ни одного письма. Это пугало, заставляло думать о нехорошем.

Наверное – есть Бог на свете. Однажды воскресным днем Андрей с Иваном прогуливались по улицам. Цвели знаменитые французские каштаны. Запах на

вечерних улицах просто потрясающий. Эмигранты говорили – точно такой же аромат в Одессе, но Андрей там никогда не был. На рю Авиньон много русских заведений – магазинов, кафе, мастерских, потому что аренда невелика. А еще почти все эмигранты – русские, арабы, армяне – старались селиться компактно, как и обустраивать предприятия. И язык общий, и вера, и привычки. У одного из магазинов мелькнуло знакомое лицо. Хозяйка вышла проводить покупателя, явно в знак благодарности за дорогую покупку. Андрей глазам не поверил. Не обман ли зрения? Решил в магазин зайти.

– Ваня, ты постой здесь, я на минутку.

А сам в магазин нырнул. Когда дверь открывалась, звякал колокольчик, так было во всех магазинах. Из подсобки вышла она. Андрей не ошибся – Настя. Его петербургская невеста, потом спутница по скитаниям в Белой армии, любовница и воровка, все в одном лице. С тех пор, как расстались, прошло уже… точно – пять лет. Сбежала она тогда с золотом Андрея, которое он копил несколько лет. Оставила его в трудный момент совсем без денег. Она внешне не изменилась, все так же хороша. Но он знал – душа у нее подлая. Андрей обвел глазами магазин. Небольшой, промтоварный, мужская и женская одежда, обувь. Андрей обернулся, перевернул табличку на двери – закрыто. Это чтобы покупатели не мешали. Настя его узнала тоже. Слегка побледнела, глаза забегали.

– Как ты меня нашел?

Голос срывается.

– Господь свел, он шельму метит.

В душе – только холодное мстительное чувство. Из-за этой воровки он с Иваном вынужден был терпеть лишения, унижаться в поисках работы, голодать. А вполне мог иметь вот такой магазин, не знать нужды. Первым желанием было – придушить! Даже пару шагов к Насте сделал. Видимо, она прочитала что-то в его глазах, юркнула в подсобку, попыталась закрыть дверь. Но Андрей физически сильнее, ударил в дверь ногой, Настя отлетела, упала. Из подсобки, где на полках лежали товары, шла винтовая лестница на второй этаж, в жилые помещения. В Париже, да и во Франции, так было принято.

Андрей схватил Настю за волосы, поднял.

– Только не убивай! – хрипло произнесла она. – Я виновата, я знаю.

– Что вину признаешь, это хорошо. Если деньги вернешь – живи, мне твоя жизнь не нужна, ты ее сама испоганила.

– Франками отдам, не все сразу, у меня нет таких денег, в товаре все.

– Врешь, не поверю, что все золото спустила. Я бы предпочел получить золотом, а не бумажками.

Уж как могут рухнуть бумажные деньги, он знал. А золото так и осталось в цене, иначе бы Настя не купила магазин и жилье.

– Кто у тебя на втором этаже?

– Никого, клянусь.

– Твоим клятвам грош цена.

– Отпусти волосы, больно.

– Ты еще не знаешь, что такое больно.

Но волосы женщины отпустил, подтолкнул ее к лестнице.

– Веди!

На втором этаже две жилые комнаты, обе обставлены по парижской моде тех лет. А еще просторная кухня-столовая, туалет, ванная, балкон. Жилье буржуа средней руки.

Чтобы Настя не выкинула неприятный фортель, Андрей запер ее в туалете. А сам быстро обыскал квартиру. Поиски увенчались успехом, обнаружил пятнадцать тысяч франков и немного царских золотых монет, явно из его запасов. Все найденные ценности рассовал по карманам, чтобы не очень выделялись. Настю из туалета выпустил.

– Там у тебя немного денег было, я взял как часть долга, когда вернешь остальное?

Женщина начала жаловаться, что торговля не идет, доход маленький, старалась разжалобить. Но Андрею ее жалко не было. Воровка, обманщица! Видно – плохо ее родители воспитывали. А ведь в Питере казалась небесным созданием, этаким ангелочком. Как быстро человек может пасть!

– Значит, так. Даю тебе месяц, меня не ищи, я сам приду. Убежишь или сообщишь в полицию – найду и покараю. Надеюсь, ты не забыла, что делают с ворами?

За огромную сумму украденного во Франции присуждали каторгу. Причем отбывать срок отправляли в каменоломни французских колоний в Африку. Отбыть весь срок в тяжелейших условиях мало кому удавалось. Действовать официально – подать заявление в полицию – не хотелось. После кражи прошло много лет, да еще и кража была в другой стране, свидетелей нет. В полиции дело могут и не взять. А Настя с ее подлым характером могла написать заявление о грабеже, и Андрей это понимал.

Он покинул жилье Насти через магазин. Иван обиженно сопел:

– Ты чего так долго? Я думал, ты забыл про меня!

– Да разве я мог? Ваня, ты плохо обо мне подумал. А я о твоем будущем беспокоюсь.

За золото, что забрал Андрей, можно заплатить за учебу в университете, да хоть в Сорбонне. У Ивана уже французское гражданство, а школу закончит через четыре года. Время пролетит быстро. Мысль об учебе Ивана пришла в голову только что, когда золото в кармане появилось. Знать бы тогда, что так жизнь повернется, клал бы золото в Париже во французский банк, тот же Лионский кредит, проценты бы накапали, и вклад был бы цел. Но так благоразумно поступили даже далеко не все дворяне.

Андрей обернулся. Надо запомнить фасад, номер дома и улицу. За окном второго этажа он увидел лицо Насти, она отпрянула от стекла.

– У нас с тобой сегодня неплохой день, Ваня! Встретился с должником, тебе учебу обеспечил.

– Должник старый?

– Ну да, со времен большевистского переворота.

Андрей, как и французы, считал события октября 1917 года переворотом, а не революцией. Впрочем, сути это не меняло. Сразу же направился в отделение известного парижского банка. Андрей знал, до Второй мировой войны далеко, вклад пропасть не должен. Открыл счет по «нансеновскому» паспорту, золото положил, а бумажные деньги оставил.

Как только часть своих ценностей вернул, мозги заработали – куда и как вложить, чтобы сохранить? Урок, преподанный Настей, пошел впрок. Первой мыслью после посещения банка – купить квартиру. Свое жилье – это главная ценность в жизни. Причем оформить документы не на себя, а на Ивана. Как будто вел его кто-то по жизни, подсказывал. Почему не на себя, понял позже, через десять лет. Жениться? Ну нет, если женщины способны на подлость за спасенную жизнь, то рядом им не место. Были у него женщины, все же живой человек, но на вечер. Француженки меркантильны, за вечер – подарок. А с русскими эмигрантками связываться опасался. Мимолетное увлечение может перейти в серьезную плоскость.

Через несколько дней завел разговор с Иваном.

– Ваня, ты где хотел бы жить?

– На Родину вернуться.

– Это невозможно. По паспорту ты уже француз. А если вернешься, и кто-либо опознает, что ты в Белой армии был, большевики тебя расстреляют. Надо школу тебе закончить, университет, хорошую специальность приобрести, чтобы на работу потом удачно устроиться.

После Первой мировой войны Франция по договору вернула себе индустриальные районы Эльзас и Лотарингию, а также получила контроль над

немецкими и турецкими колониями – Того, Камерун, Марокко, Ливан, Сирия. Однако воспользоваться колониями в полной мере не смогла. За период войны Франция потеряла 1 млн 30 тыс. человек убитыми, подавляющее большинство потерь – мужчины трудоспособного возраста. В промышленности застой. В 1926 году к власти пришли правые партии во главе с Раймоном Пуанкаре. А за период с 1929 по 1932 год сменилось восемь правительств. Европу, как и Америку, накрывала Великая депрессия. На этом фоне во многих странах к власти пришли правые или откровенные фашисты.

Но автозавод работал, наращивал выпуск автомобилей. В 1924 году на всех выпускаемых машинах стали устанавливать тормоза на всех колесах. До этого тормоза стояли только на задних. Привод был механический, тягами. Но все же это был шаг вперед. В СССР машины еще долго, до Второй мировой войны, выпускали с тормозами на задних колесах, когда Европа и США перешли уже на гидравлические тормоза.

Вот что не нравилось Андрею, на машинах не было значков марки. Только знаток мог сказать, какая машина перед ним – «Испано – Сюиза» или «Делано – Бельвиль». Андрей подал письменное предложение начальству – на все машины ставить фирменный знак. Видимо, предложение долго обсуждали, наверняка выбирали лучший из предложенных вариантов, но уже в 1925 году автомобили «Рено» получили стилизованный граненый алмаз на капоте, ставший логотипом на долгие годы.

Между тем Андрей узнал цену на золото. Тройская унция стоила 21 доллар США. Он пересчитал во франки, потом прикинул стоимость украденных у него золотых червонцев, а их было 320 штук. Сейчас удалось вернуть сорок монет. Сумма выходила очень приличная. Даже мысль мелькнула, получив деньги, уехать в Канаду, в провинции Квебек французский язык государственный и никакие войны Канады не коснутся.

Подошло время получить деньги. В выходной день Андрей направился к магазину Насти. Постоял на другой стороне улицы, понаблюдал. Магазин работает, периодически в него заходят покупатели, ни полицейских, ни крепких ребят поблизости не видно. Быстрым шагом пересек улицу, толкнул дверь – и первая неожиданность.

Вместо Насти другая женщина.

– Добрый день, мсье! – поздоровалась продавщица.

– Бонжур! Я бы хотел увидеть Настю.

– Боюсь, это невозможно.

– Почему?

– Она продала магазин и уехала. Куда – не знаю.

– И давно?

– Две недели назад.

Опять провела Настя Андрея! У него в душе буря эмоций. Кое-как выдавил:

– Извините.

И вышел. До чего же хитра и изворотлива! А он дурачина и простофиля, как старик в известной пушкинской сказке. Можно нанять частных детективов, они смогут ее найти, но это серьезные затраты, а стоит ли овчина выделки – неизвестно. Черт с ней, пусть живет. Даст бог – свидится. Сам виноват, надо было нанять мальчишек последить за Настей, чтобы не ускользнула. В душе и досада на себя, и злость на Настю. Хорошо, что никому не говорил, а то бы стал посмешищем. Андрей, как и все эмигранты, никого в свои денежные дела не посвящал. Друзьями Андрей в Париже не обзавелся. Знакомые были, да и те все из русской эмиграции, не французы. Андрею, как и другим эмигрантам, не нравились их привычки. Без приглашения посещать не было принято, а если пригласили, стол скудный – бокал вина на весь вечер, и бутерброд. Русские привыкли к обильному застолью. Прижимисты французы. Почти все эмигранты со временем нашли постоянную работу. Но были и те, кто стоял на паперти, у храмов – инвалиды или после тяжелых ранений. И когда Андрей приходил в храм пообщаться с соотечественниками, узнать новости о России, слышал:

«Подайте кавалеру Ледяного похода Христа ради!»

«Подайте русскому дворянину на кусок горького хлеба изгнания».

И даже если было плохо с деньгами, всегда подавал. Кто еще поддержит русского, кроме соотечественника? Русскими называли всех выехавших из России: малороссов, татар, черкесов. Всех, кто присягал царю и воевал в Белой армии.

Через несколько лет после бегства из России эмигранты стали умирать – от возраста, от ранений или болезней, от тоски по Родине. На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа был православный сектор, где стали хоронить русских. Даже образовались участки: см-1 – дроздовцы, см-4 – алексеевцы, см-6 – донские казаки. И к 1927 году русских захоронений было уже 15 тысяч.

В январе 1930 года всю русскую эмиграцию потрясло исчезновение главы РОВС генерала Александра Павловича Кутепова. Кутепов 26 января вышел из дома и отправился в церковь на панихиду по случаю смерти своего сослуживца, генерала Каульбарса. Свидетели потом рассказали, что генерала втолкнули в автомобиль, который скрылся на улице Удиню в сторону бульвара Швонкеров. Похитителями была специальная группа агентов НКВД под руководством Якова Серебрянского и их пособников – французских коммунистов. В частности, прикрывал операцию и стоял на перекрестке настоящий офицер полиции из французов. Кутепову еще в машине укололи морфий, дозу не рассчитали, ввели очень большую, и сердце генерала не выдержало, он умер в этот же вечер. Но похитители хотели вывезти его тайно на пароходе, и смерть спутала НКВД все карты. После Кутепова РОВС возглавил генерал Евгений Карлович Миллер.

Андрей, будучи офицером и активным участником Белого движения, в работе РОВС участия не принимал. Подрывная деятельность против своей страны ему претила. Жил во Франции, паспорт был «нансеновский», а все равно в душе считал себя россиянином, временно попавшим на чужбину.

На заводе дела шли в гору. Бригадир, мастер участка, начальник смены в цеху. Уже и халат синий не надевал, а ходил на работу в костюме и при галстуке. И пропуск на завод не такой уже имел, как у простых рабочих. По этому пропуску в столовую для начальства доступ имел.

Денег поднакопил, да еще франки, изъятые у Насти, добавил, купил квартиру, как планировал. Но не там, где эмигранты арендовали, а в чисто французском районе. Да документы на Ивана оформил, у него паспорт французский. Так что стал парень владельцем недвижимости, а Андрей – на птичьих правах

проживает. За время, что прошли вместе в боях, ели из одной тарелки, делили все невзгоды, свыклись, почти родней стали. И нет для Андрея ближе человека, чем Иван. А Иван ценил и уважал Андрея, как старшего брата. Отца и мать своих помнил, чтил. Если бы не это обстоятельство, считал бы Андрея названым отцом.

Прошло еще три года, относительно стабильных. Андрей уже полноправный начальник сборочного цеха, самого большого на заводе. Иван школу окончил, поступил в Сорбонну, университет старый, с традициями. Андрей его к учебе не принуждал, пусть сам выберет факультет и специальность, чтобы по душе было дело. Когда по любви, по желанию в профессию пошел, так высот достигнешь и маяться всю жизнь не будешь – скорей бы рабочий день окончился.

Став начальником цеха, Андрей присматривался к сотрудникам, кто как к делу относится, да на своем ли месте руководители низшего звена – бригадиры, мастера. От них многое зависит. Некоторых в должности понизил, а пятерых и вовсе уволил. Меры дали результаты, процент брака падал, а объем выпуска автомашин рос, причем на тех же мощностях.

А в Европе политическая ситуация все сложнее. К власти в Германии пришел Гитлер, провозгласил девиз – «Германия превыше всего». Не отсюда ли ноги растут у девиза украинских националистов – «Бог и Украина выше всех»?

Андрей в общих чертах историю знал, надеялся – пойдет она по другому пути. Но нет! Правители не боялись крови и войны в надежде оттяпать землицы и ресурсов у соседей. Надежды большевиков, живших под лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», не оправдались. Коммунисты надеялись, что, получив оружие, пролетарии повернут его против буржуазии, свергнут правительства и установят диктатуру пролетариата, но надежды не сбылись. Немецкий народ с радостью внимал речам фюрера, записывался в НСДАП, шел в армию. По мирному договору Гитлеру нельзя было выпускать танки и самолеты, готовить экипажи. Но выход нашелся. Страна Советов предоставила земли и школы, в Липецке обучались немецкие летчики, в Казани – танкисты.

В Испании по итогам выборов 16 февраля 1936 года с минимальным перевесом победу одержал блок левых партий «народный фронт». Начались беспорядки. Националисты, поддерживаемые армией и богатыми промышленниками, землевладельцами, решили применить силу. На стороне националистов генерал Франсиско Франко, поддерживаемый фашистской Италией, нацистской Германией, а также Португалией. Проживавший там испанец Санхурхо начал

готовить военный переворот. В испанской армии заговорщиков поддерживал генерал Эмилио Мола. Заговорщикам удалось заручиться поддержкой крупных испанских промышленников и землевладельцев, генералы получили от буржуазии деньги. Мятеж начался 16 июля 1936 года сигналом радиостанции Сеуты «Над всей Испанией безоблачное небо». В Испании начались бои, гражданская война. На стороне правительства – коммунисты, социалисты, студенчество и интеллигенция. На стороне националистов – рабочие. Но и республиканцы имели серьезную поддержку извне. За левые силы вступилась Франция на первых порах, которая потом наложила эмбарго на поставки оружия республиканцам, в Мексику и СССР. Причем СССР кинул клич через Коминтерн (коммунистический интернационал, штаб-квартира которого была в Москве) – помочь республиканцам. Из многих стран поехали добровольцы, сочувствующие республиканцам. Причем сила в интернациональных бригадах собралась немалая – больше двадцати восьми тысяч бойцов. А в республиканской армии 55 225 пехотинцев, еще 3300 летчиков, в ВМС – 13 тысяч моряков. Силы Франко значительнее – 67 275 пехоты, 2200 летчиков и 7 тысяч моряков. Германия направила легион «Кондор» в составе 650 самолетов – «He-51»; «He-112», «Bf-109B», «Bf-109C», «Bf-109E»; «ju-52»; «ju-87», «He-59» и «He-111». Пилоты в легионе приобретали опыт, ротировались через три месяца. Гитлер к началу Второй мировой войны имел опытных летчиков и испытал самолеты, заводы усовершенствовали их. Италия поставила в Испанию тысячу самолетов, но конструкции были устаревшими – «CR-32»; «G-50»; «SM-79», «CA-310». Только Макки – Кастольди не сильно уступал «Мессерам». Советский Союз поставил военной помощи 800 самолетов, в основном монопланы «И-16» и бипланы «И-15», немного бомбардировщиков «СБ», летчики – 1811 человек. Также поставляли танки «Т-26» с экипажами и группу диверсантов во главе с Ильей Стариновым. Однако как по-разному распорядились Гитлер и Сталин «советниками» после завершения войны в Испании. Гитлер своих пилотов берег и ценил, а Сталин репрессировал, начиная с рядовых пилотов и кончая Смушкевичем, генералом, советником командира республиканских ВВС Идальго де Сиснероса. Точно так же расстреляли или посадили в лагеря танкистов. В 1938 – 1940-х годах было репрессировано 40 тысяч командиров РККА, причем грамотных, опытных. На их место заступили малообразованные, не имевшие боевого опыта. Во многом это была работа Абвера, подбросившего дезинформацию на Тухачевского и других военачальников о якобы зреющем в армии заговоре военачальников. Не будь такой массовой чистки в армии, Гитлер не решился бы начать войну.

В интербригады попали люди разных национальностей. Было девять тысяч французов, три тысячи немцев, три тысячи поляков, три с половиной тысячи

итальянцев, две с половиной тысячи американцев, две тысячи англичан, по тысяче – чехов, австрийцев, венгров. Были швейцарцы, румыны, норвежцы, а также русские эмигранты. Не смогли усидеть в странах, принявших их. У многих злость на Германию за Первую мировую войну, хотелось поквитаться.

Андрей раздумывал недолго. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о военной помощи Испании 29 сентября 1936 года, когда вовсю шли бои. Андрей же решился ехать в октябре, когда в Испанию пошли поставки вооружения. Из СССР грузы с военной техникой шли грузовыми пароходами, сначала из портов Черного моря. Но когда франкисты утопили 3 советских судна и 3 захватили, СССР стал направлять суда из Ленинграда и Мурманска, чтобы миновать опасную зону Средиземного моря. Советские моряки хитрили, для маскировки поднимали флаги других стран, меняли названия судов.

Республиканцы стали раздавать стрелковое вооружение народу. Мятежники не смогли взять Мадрид, Барселону. К тому же мятежники получили чувствительный удар. В авиакатастрофе погиб 20 июля главный заговорщик и идеолог путча – Хосе Санхурхо. Но и республиканцы стали совершать ошибки – расстреливали землевладельцев и священников. Испания – страна католическая, и убийства священников настраивали народ против республиканцев. Конечно, в интербригадах воевали коммунисты, социалисты, анархисты, не признававшие любые вероисповедания. И в результате страна разделилась. За республиканцев – центр и юг, за путчистов – север. Страна басков держала нейтралитет. Народная милиция встала на сторону Франко.

Андрею и жалко было бросить работу, все же добился высокого для эмигранта поста, но и повоевать с немцами хотелось. В какой-то мере сказывалось уязвленное самолюбие. Иван уже в университете учится, денег на житье Андрей ему оставил, а за обучение, за весь курс, оплатил. Иван парень серьезный, не ударится без пригляда в пороки, слово Андрею дал. К тому же Андрей планировал повоевать в интербригаде полгода и вернуться. Все равно путчисты в итоге возьмут верх, и ждать печального конца в Испании не следовало.

Русские эмигранты в Испанию поехали не все, малая часть, но все с боевым опытом. Не денег искать, в интербригадах никто не разбогател, не славы, и не за идеалы республики воевать. Одно желание – набить германцам морду, за позорный мир Брест-Литовска поквитаться. Слишком еще свежи события и обиды.

Колебался Андрей, все же шаг серьезный. Бросить достойную работу, ринуться в неизвестность, а ради чего? Риска захотелось, адреналина? А если покалечат, вернется без руки или ноги, тогда что? Инвалида на работу нигде не возьмут, а сидеть на шее у Ивана совесть не позволит. Да и откуда у студента деньги? Часть русских эмигрантов именно по финансовым проблемам в Испанию не поехала, а еще боязнь потерять работу. Но решился Андрей. После совещания остался в кабинете Дидье, положил заявление ему на стол.

– Это что такое?

Управляющий надел очки, прочитал, потом посмотрел на Андрея, снова лист пробежал.

– Андрэ, неужели я плохо к тебе относился?

– Я полагаю, не хуже, чем к сыну, мсье.

– Ну хорошо, хоть заметил. Тогда почему хочешь уйти?

Почти сразу вскочил.

– Молчи! Я, кажется, догадался. Сколько они тебе обещали?

– Вы о чем?

– О конкурентах. Посмотри на ту сторону реки, что видишь?

– «Ситроен».

– Или не они? Тогда «Пежо»?

– Простите, я уезжаю из страны на время, ориентировочно на полгода.

– Да? Прости, что плохо подумал. Тогда пиши заявление на отпуск, а затем заявление – вывести за штат. Это не увольнение. Вернешься и приступишь к работе.

Хм, француз был поистине добр. Андрей сразу написал оба заявления.

– И все же, куда собрался?

– Бошей бить в Испанию.

Французы немцев презрительно называли бошами. Впрочем, немцы отвечали тем же, называли их лягушатниками.

– Не стоит лезть в испанские разборки, Андрэ, – принялся увещевать его Дидье.

– Мне испанцы безразличны. Французы подписали договор в Компьене и они победители. А большевики позорный договор в Брест-Литовске. Есть желание показать немцам, что нас не победили!

– Вот ты какой? Говорили мне о загадочной русской душе, не верил. Хорошо, я свое слово держу, сдержи и ты.

Расстались довольные друг другом. Андрей сложил в сумку самое необходимое – белье, бритву, взял немного денег и «нансеновский» паспорт. По закону он имел право через пять лет проживания в стране принять гражданство и обменять «нансеновский» паспорт на гражданский. Но делать этого не стал, как и часть эмигрантов. Попрощался с Иваном. Мыслишка подленькая мелькнула. А может – зря едет? Парня еще воспитывать надо, он нуждается в поддержке, в отцовском плече. Андрей не родной отец, Ваня – сирота, но Андрей добровольно стал Ивану отцом ли, старшим братом. Долгие проводы – долгие слезы. Подхватил сумку – и на вокзал. Почти все, едущие в Испанию, добирались до Мадрида по железной дороге. И Андрей не был исключением, с Лионского вокзала сел на поезд прямого сообщения «Париж – Мадрид». В поезде полно мужчин, причем без семей. Явно на войну едут. Андрей разговорился с одним бельгийцем в купе. Оказалось – летчик. Причем он даже знал конкретное место, куда ему следовало прибыть – аэродром Барахас, недалеко от Мадрида. Андрей договорился ехать с ним, пояснив, что он тоже пилот и хочет воевать за республиканцев. Все же с попутчиком ехать проще. Довольно быстро в поезде сколотились компании, причем по партийным интересам. Анархисты с анархистами, коммунисты со своими единомышленниками, как и социалисты. Разные национальности и гражданство никакой роли не играли. Все одинаково хотели помочь республиканцам и пощипать перья немцам. Слишком многим народам Германия

доставила неприятности и беды в Первую мировую войну, да и сейчас начала активно вооружаться, представляя угрозу Европе.

На стороне Франко выступил Ватикан, а США поставляла путчистам грузовые автомобили и горючее. На стороне Франко воевали два русских генерала из эмиграции – Николай Шинкаренко и Анатолий Фок, который погиб в бою. А с ним еще семьдесят два русских офицера.

Так что встретиться со своими соотечественниками и соратниками по Белому движению Андрей мог еще в поезде, ибо организованных перевозок не было, за исключением техники и личного состава из СССР, откуда шли пароходы.

Пограничники с испанской стороны никого не досматривали, мельком посмотрели паспорта, видимо, уже привыкли.

За трое суток добрались до Мадрида, на площади у вокзала крытые грузовики стоят. Бельгиец, знакомый Андрея по поезду, походил у грузовиков, вернулся.

– Пошли. Республиканцы высылают транспорт к каждому поезду из Франции. Нам на аэродром Барахас вон к тому грузовику.

Грузовик оказался американским «Фордом», отбитым народной армией у франкистов. В кузове семь человек. Трястись пришлось около часа. Сначала по узким старинным улицам, потом по булыжной дороге. Аэродром, бывший гражданский, сохранился кирпичный аэровокзал, бетонная взлетно-посадочная полоса. Как правило, в войнах на полевых аэродромах твердого покрытия не было. В ряд, без всякой маскировки стоял с десяток французских истребителей «Девуатин». Поставлены они были еще летом республиканскому правительству, потом Франция подписала договор с Гитлером и Муссолини, и поставки техники в Испанию прекратились.

С виду самолеты были одинаковы, но уже вечером Андрей узнал, что модификации две. Имелся пушечный вариант «Д-372» с крыльевыми пушками калибра 20 мм и пулеметный «Д-371» под патроны винтовочного калибра. Самолет представлял собой высоконесущий моноплан с подкосами. Андрей знал, как выглядит немецкий «Мессер», и по сравнению ним «Девуатин» выглядел анахронизмом. Так потом и оказалось. Скорость и скороподъемность, два важнейших качества истребителя, недостаточны, на равных с «Мессером»

только горизонтальная маневренность. Фактически он уступал даже нашим «Ишакам». В Испании за характерный вид наши «И-16» прозвали «чатос», или курносый. С «Мессерами» серий B,C и E «И-16» сражался почти на равных. Но выводы из боев в Испании последовали разные. Немцы самолет усовершенствовали, поставили более мощный мотор. А в СССР решили, раз «И-16» успешно сражается с новейшим «Bf-109 E», то советские истребители вполне на уровне зарубежных аналогов.

Немецкий танковый батальон под командованием Вильгельма фон Тома ничем особо себя не проявил, зато в жарких боях февраля 1937 года большую роль сыграла наша бронетанковая бригада Дмитрия «Пабло» Павлова. У каждого нашего военспеца был свой испанский псевдоним.

Любая война – это прежде всего деньги. Они дают возможность купить у союзников или нейтральных стран вооружение, боеприпасы, военную технику, амуницию, горючее.

Путчисты планировали захватить Мадрид четырьмя армейскими колоннами с разных направлений, а в городе было еще полно сторонников Франко, называемых пятой колонной.

Республиканское правительство побоялось захвата национального банка. Испания обладала четвертым в мире золотым запасом. Министр финансов республиканцев Хуан Негрин проявил инициативу по спасению золотовалютных резервов. Армия Франко была уже в 116 километрах от Мадрида и противостояли кадровой армии лишь только что созданная Народная армия и немногочисленные в то время интернационалисты. Испанское правительство обратилось к СССР. Была разработана секретная операция и вывезено 510 тонн золота, или 73 % золотого запаса. Еще 193 тонны были вывезены во Францию.

Утром 14 сентября 1936 года к зданию Банка Испании подъехали карабинеры и 60 рабочих. Хранилища были вскрыты, золото в слитках и монетах уложили в деревянные ящики, погрузили в железнодорожный состав и под сильной охраной отправили на станцию Аточа, откуда на Картахену. Руководил операцией по вывозу золота в Испании представитель НКВД Александр Орлов. Он получил шифрограмму из Москвы 20 октября 1936 года. Чекист выбрал морской путь. Золото в ящиках, каждый из которых весил 75 кг, погрузили на транспорты КЧМ, «Курск», «Нева» и «Волголес». Погрузка заняла три ночи и 21 октября все четыре судна вышли из Картахены и направились в Одессу. Часть

похода их сопровождали четыре испанских судна и одна подводная лодка СССР. Корабли прибыли в одесский порт второго ноября, имея на борту семь тысяч восемьсот ящиков золота. Весь пирс был очищен от людей, включая персонал порта. Ящики с драгоценным грузом перегружали сотрудники НКВД, все – командный состав. Рядовые и сержанты НКВД стояли в оцеплении. С судов перегрузили в вагоны, и эшелон под сильной охраной 173-го отдельного батальона НКВД был доставлен в Москву, в Гохран. Золото тщательно пересчитывали и взвешивали два месяца. Руководство страны старалось держать полученное испанское золото в тайне, и поэтому привлекали минимум людей.

Но после перевозки стали исчезать или были казнены причастные к операции люди. Сначала советский посол в Испании Розенберг Марсель Израилевич, за ним советский торговый представитель Артур Карлович Сташевский – в 1937 году. Советские функционеры, отвечавшие за перевозку – Гринько, Крестиньш, Маргулис, Коган – расстреляны в 1938 году. Александр Орлов, опасаясь за свою жизнь, бежал в США.

Все серебро Испании было вывезено в США кораблями с июня 1938 года по июль 1939 года, на сумму двадцать миллионов долларов. Испания была богата серебряными приисками, а золото вывозили из Америки и Африки в свое время.

Андрей, как и большинство летчиков-интернационалистов, видели «Девуатин» впервые. Всего их было выпущено восемьдесят штук, из них только десять разными путями поступили в Испанию. Несколько штук продала Латвия, другие были переданы Францией. Высоконесущий моноплан-парасоль имел двигатель «двойную звезду» в 930 л.с. Гном-Рон при взлетном весе самолета 1970 кг, максимальную скорость развивал в 400 км/час при дальности полета в 700 км. По боевым возможностям был равен немецкому «Не-51». Немецкий биплан к тому времени устарел, на смену ему шел «Мессершмитт Bf-109». Из первой партии самолетов модификации «А» в 20 машин в Испанию не попал ни один. В легион «Кондор» поставлялись четыре модификации «Мессера» – В (Бруно), С (Цезарь), Д (Дора) и Е (Эмиль), всего 130 штук, из которых в боях было потеряно 40. Причем один подбитый «Мессер» летчиком А.И. Гусевым из числа советских добровольцев сел на территории республиканцев, самолет перевезли в СССР, тщательно исследовали, особых новинок не нашли. Между тем истребитель еще был сырой, но с большими резервами по усовершенствованиям. Модификация «В» имела двигатель в 720 л.с., два пулемета калибра 7,92 мм. Вся партия в 30 машин была отправлена для опытной эксплуатации в Испанию. Модификация

«С» имела уже четыре пулемета, модификация «Д» оснащалась двигателем с механическим впрыском топлива, а не карбюратором. Следующей модификацией была «Е», самой массовой из применяемой в Испании. Этот самолет имел два пулемета и одну пушку в 20 мм, стреляющую через полый вал винта. В серии «Е-7» на самолет установили бронестекло кабины пилота толщиной 58 мм, а также бронеплиту в 6 мм за топливным баком, перекрывающую все сечение фюзеляжа. Модификации «В» и «С» развивали 410 и 420 км/час соответственно и имели максимальную высоту подъема в 8400 метров.

Советский истребитель «И-16» был машиной этапной, родоначальник истребителей-монопланов в СССР. Разработан в КБ Н. Поликарпова, в доводке истребителя принимали участие В. Чкалов, Коккинаки, Юмашев. Выпускался серийно с 1934 и до 1942 года, всего было выпущено 10 тысяч машин. Боевое крещение получил в Испании. Советские летчики называли его «ишаком», испанцы – «чатос» – курносый, за внешность, а немцы – «крыса» за высокую маневренность. Истребитель был сложен в пилотировании, отличался неустойчивостью в полете за счет задней центровки. Впервые на советских истребителях убирались шасси, причем вручную, лебедкой, летчику приходилось делать 44 оборота штурвалом. Из-за тросового привода шасси часто застревали в промежуточном положении. Строевые летчики с малым налетом боялись нового истребителя, в начале эксплуатации произошло несколько катастроф. Первая серия – тип 4 имел двигатель 9 – цилиндровую звезду воздушного охлаждения, в отличие от «Мессера», у которого охлаждение было водяное. Развивал мотор 480 л.с., имел 2 крыльевых пулемета «ШКАС», на поздних сериях имел две 20-мм пушки «ШВАК».

В Испании воевали на тип 5, который выпускался с 1935 по 1938 год. На него ставили самодельную бронесистему. На тип 6 закрытый фонарь кабины сменили на открытый, поставили масляный радиатор двигателя, потому как двигатель на максимальных оборотах в условиях боя перегревался.

Итальянцы в Испании пользовались морально устаревшими самолетами «Фиат G-50» и «Макки-Кастольди CR-32», а также бипланы «М-14» и «М-29». Только в 1940 году фирма «Макки-Кастольди» выпустила модель «200», не уступающую «Мессеру».

Для начала летчикам интербригады подобрали комбинезоны и шлемы, выдали личное оружие – револьверы. Андрей отказался, он привез свой «Кольт». День

полностью инструктор рассказывал особенности «Девуатина» да совершали короткие полеты, как в авиашколе. Взлет, полет по кругу, посадка. Андрей, хоть и не летал давно, пробный полет совершил чисто. А потом несколько дней изучали карты боевых действий. Каждый летчик получил позывной и документы, удостоверяющие принадлежность к интербригаде. Случись быть сбитым и приземлиться, крестьяне могли запросто расправиться с чужеземцем, ведь испанского языка ни один пилот не знал. Хоть и разных национальностей летчики были, а по-французски понимали все. Кроме Андрея был еще француз, два бельгийца, итальянец, венгр, чех, три болгарина. В Европе до Второй мировой войны французский язык был широко распространен, а после поражения Германии самым ходовым стал немецкий. Парадокс!

Кормили неплохо – овощи, фрукты, рыба, мясо. Но все очень острое, с перцем – красным и черным. Для испанцев такая еда привычная, но среди пилотов нравилось только итальянцу Джованни.

Андрею хотелось летать. Восстановить летные навыки, заодно изучить, на что способен в воздухе «Девуатин». Один ознакомительный круг над аэродромом – это даже не смешно. А все упиралось в нехватку топлива. Бензин был нужен всем – авиации, танкистам, грузовым перевозчикам. А своего бензина в Испании не было. Кое-что поступало на судах с Ближнего Востока, но случались перебои, франкисты задерживали суда и конфисковывали грузы. Через соседей сухопутным путем тоже доставить сложно. Португалия на стороне неприятеля, Франция придерживается нейтралитета, больше похожего на блокаду, ибо подписала договор с Германией и не пропускает через свою территорию грузы воинского или двойного назначения. Испанию выручали порты на Бискайском побережье, куда приходили суда из СССР и других стран. Но все же кружным путем бензин был получен и не автомобильный, а именно авиационный. Пилотам разрешили облет района боевых действий. Пулеметы были заряжены, но Андрей пристрелку не производил, впрочем – как и другие летчики. Для стрельб нужны условия – высокий земляной вал, большая дистанция. С этим сложно, учитывая, что испанцы не очень дисциплинированны и во многом полагаются на удачу, помощь Господа.

На бумаге эскадрилья уже существовала, но комэск не разбил пока пилотов на пары, не проводил занятия по слетанности. А еще надо было разработать условные слова при радиообмене, радиосвязь была открытого типа и любой, имеющий радиоприемник соответствующего диапазона, радиопереговоры мог прослушивать. Андрей полагал, что такие «любопытные» могли оказаться среди

немцев, причем профессионалы в своем деле.

Позже он узнал, в чем причина многих упущений в эскадрилье. Оказалось, пилотов с боевым опытом всего двое, считая Андрея. Остальные добровольцы, кто инструктор в аэроклубе, кто спортивный пилот, двое числились военными пилотами, как болгары, но в реальном бою не участвовали. Фактически эскадрилья не облетана, не обстреляна. А им будут противостоять немцы легиона «Кондор». Кое-кто из них прошел Первую мировую войну, воевал с англичанами и французами, передавал свой опыт летчикам в авиасоединениях, в учебных боях отрабатывал навыки.

Самолет заправили бензином, маслом. Механики прогрели двигатель. Андрей надел парашют, забрался в кабину. Выручало знание французского, ведь все надписи на приборах на языке страны-производителя. Непривычно, к каждому типу самолета присидеться надо, чтобы действовать автоматически, чтобы руки сами ложились на нужные рычаги и кнопки. А сейчас сначала подумать надо, потом посмотреть, где нужный кран, рычаг, кнопка, на это уходит драгоценное время. Козырек впереди маленький, ни бронестекла, ни бронеспинки нет, то есть защиты никакой. По сравнению с аэропланами, на которых летал Андрей раньше, огромный шаг вперед, но рядом с «Мессером», с его гладкими и хищными обводами «Девуатин» выглядел неуклюжим утюгом. Но выбирать не приходилось.

Андрей вырулил на старт, получил отмашку флагом, двинул сектор газа вперед. Мотор взревел, и самолет побежал по взлетно-посадочной полосе, набирая скорость. Оторвался от полосы быстро, взлетная скорость не велика. С набором высоты стали видны отличия от родной страны. Там равнины, а здесь горы, холмы. В России обширные поля, а в Испании небольшие земельные наделы. И дороги… что это на дороге? Снизился, пролетел параллельно. Грузовики, военные в мундирах. А чьи они? Республиканцы, путчисты? А то и вовсе итальянцы? Как быть, если ни одного человека в военной форме – франкиста или солдата Муссолини не видел. Ударишь из пулемета, а окажутся республиканцы, позорно будет. Сделал облет колонны. Солдаты с грузовиков размахивали руками, пилотками. Им проще, они видят республиканский флаг на вертикальном руле хвостового оперения. Похоже, если не стреляют, народная милиция или республиканская армия, а то и интербригада. Уж лучше воевать с самолетами, на них четкое обозначение есть. На правом колене открытый планшет с картой. Периодически сверял местность с картой, радовался, что не разучился читать. Все же навыки надо восстанавливать.

Высота две тысячи метров, воздух спокоен и вдруг – «др-р-р»! Трассирующая очередь рядом прошла. Настроение резко изменилось, правую ногу вперед, левой рукой ручку управления двигателем тоже вперед. Мотор взвыл, самолет заложил вираж. Андрей обернулся, а на хвосте немецкий «Хейнкель» 51-го типа. На фюзеляже и хвостовом оперении черный косой крест. Далековато немец огонь открыл. Андрей головой завертел. Влево – вправо, вверх. Немцы поодиночке не летают, только парами или четверками. Есть еще один, висит с превышением метров на триста, страхует. И злость взяла, и азарт появился. Что французская машина, что немецкая по характеристикам похожи, удача в бою зависит от мастерства летчика. Андрей бросил самолет в пике, думал оторваться от немца. Но и тот повторил маневр, так и висит. Зато второй так и остался на высоте. Прикрывает от возможного напарника Андрея. Но он-то вылетел один. А для немцев первым делом порядок, вот и высматривает несуществующего ведомого. «Хейнкель» даже в пикировании отставать стал. Вроде свежая конструкция. Немцы стали выпускать биплан в прошлом 1935 году и выпускали два года, произвели 600 машин. Гитлер на встрече с Франко 26 июля 1936 года обещал военную помощь и не обманул. В Испанию отправилась «туристическая группа» генерала Хуго Шпрее – 85 военнослужащих и 6 «Не-51» в ящиках, по документам – сельхозтехника. Самолеты собрали и облетали. Немцы на первых порах в боях не участвовали, были инструкторами для испанских летчиков-путчистов. В сентябре испанцы уже имели две полнокровные эскадрильи. Немцы поставляли самолеты и обучали испанцев. Для «Хейнкеля» Испания была первым боевым театром, пробой сил. И «Не-51» провалился. В октябре 1936 года в Испанию прибыли первые советские «И-16» четвертой серии. Превосходство «ишака» в первых же боях было полным – в скорости, маневренности, скороподъемности. Немцы были шокированы. Новый истребитель проигрывает русским самолетам! В Испанию немедленно был направлен «Bf-109».

«Не-51» имел двигатель 750 л.с. и максимальную скорость 330 км/час при дальности полета 570 км и потолок 7700 м, вооружен двумя пулеметами винтовочного калибра. Всего их было поставлено в Испанию 79 штук. Наш «И-16» имел менее мощный двигатель, чем «Не-51», но лучшую аэродинамику, все же немецкий биплан имел большее сопротивление воздушному потоку.

Андрей потянул ручку на себя, перевел самолет в горизонтальный полет и сразу вверх, да с переворотом, совершив иммельман. От перегрузок потемнело в глазах. Зато теперь он идет немцу в лоб. Оба открыли огонь одновременно. Для Андрея это первый опыт стрельбы на «Девуатине». Что хорошо, патроны в лентах имели через два на третий трассирующие пули, можно было наблюдать, куда идет очередь. Вот цепочка трассеров стала сдвигаться к «Хейнкелю». Это

Андрей ручкой корректировал наводку. Немец не выдержал, отвернул, и очередь прошлась ему в борт. Полетели куски обшивки, но дыма не было, и «Хейнкель» не потерял управление. Управлял истребителем не испанец-путчист, а немец из легиона «Кондор», у этого легиона в Испании на самолетах была не свастика. На руле направления, окрашенном в белый цвет, наносили черной краской вертикальный крест.

Легион состоял из 4 эскадрилий (по 12 самолетов каждая) бомбардировщиков и 4 эскадрилий истребителей, всего пять тысяч пятьсот военнослужащих. И это не только летчики, мотористы, оружейники, связисты, медики, повара, зенитчики. Всего за годы гражданской войны в Испании путем ротации немцы пропустили двадцать тысяч военнослужащих, получивших бесценный боевой опыт. А еще – конструкторы получили знания боевой эксплуатации. «Мессер» усовершенствовали, причем в несколько этапов, а «He-51» вскоре сняли с производства, осознав, что эпоха бипланов прошла. Так же получилось с советскими «И-15» «Чайка». Конкуренции с «Bf-109» он не выдерживал.

Все же долгий перерыв в полетах сказался. Увлеченный боем, Андрей перестал следить за вторым «Хейнкелем». Немец о себе напомнил. Он занимал выгодную позицию – сверху и не преминул этим воспользоваться, круто спикировал на Андрея с задней полусферы. Когда пули ударили по плоскости левого крыла, Андрей дал ручку вправо, подал левую ногу на педали вперед, правым переворотом ушел с линии огня. Немец атаку не повторил, вместе с поврежденным первым «He-51» ушел на юг.

Андрей повертел головой. Первая встреча с немцами состоялась. Победы не одержал, но и сам сбит не был, уже хорошо. Навыки быстро не восстановишь. А еще – самолеты стали совершеннее, летали быстрее с тех пор, как он воевал с немцами. Поначалу, в эвакуации, думал – все, с немцами воевать больше не придется. Как бы не так! Германия на протяжении трех десятков лет развязала две мировые войны с многочисленными жертвами. И, похоже, выводов не сделали, поскольку вступили в военную организацию НАТО.

Андрей проводил взглядом удаляющиеся истребители, осмотрел свой самолет. Пробоины на крыле есть, но самолет слушается рулей, мотор тянет ровно, дыма нет. На приборах – температура масла и головок цилиндров в пределах нормы, высота – тысяча восемьсот метров. Первый его воздушный бой в Испании.

Определился с положением, развернулся к аэродрому. Бензина хватило бы еще на полчаса, но самолет поврежден, да и боезапас частично потрачен. Надо возвращаться. На аэродром вышел точно, удачно приземлился, а самолет сразу потянуло влево. Сбросил газ, рулями парировал увод, пока мог. Все же в конце пробега с полосы ушел, подняв тучу пыли. К нему помчался грузовик с техперсоналом и санитарная машина. Андрей выбрался из кабины, вскинул руки, показывая – жив, не ранен. «Санитарка» сразу назад повернула. Андрей спрыгнул на землю. Так вот причина – пробило левое колесо основного шасси, в полете незаметно было, а при посадке сплющилось, стало тормозить. Иногда такие повреждения заканчивались переворотом самолета. Техники и механики обступили самолет, стали разглядывать дырки в крыле. А оружейник открыл лючки, присвистнул.

– Все патроны израсходовал! Ты хорошо повоевал, Андрэ!

Патроны кончились неожиданно быстро. Андрей вывод сделал – стрелять с близкого расстояния, короткими очередями. Оставшись без патронов в бою, он станет легкой добычей для стервятников из «Кондора» или других формирований. В небе Испании летали и испанцы обеих противоборствующих сторон, и немцы, и интербригады, и итальянцы, которые послали на помощь Франко пехотную дивизию «Божья воля», усиленную танками, да еще авиацию. Да еще русские «добровольцы» из СССР.

Глава 3. «Но пасаран»

«Но пасаран!» был боевой клич республиканцев, в переводе – не пройдет! Имелся в виду враг.

Первый боевой вылет Андрея пилоты отметили вечером – вино, песни. Чех Словичка спросил:

– Каков твой вывод после первого боя с немцами?

Все сразу притихли, ожидая ответа.

– Стрелять с коротких дистанций, не более ста – ста пятидесяти метров, короткими очередями, целиться не по самолету противника в целом, а по кабине пилота или мотору. Нам «Хейнкеля» бояться не надо, он уступает «Давуатину» в скорости и равен по вооружению. Воевать надо обязательно парами – ведущий и ведомый, поддерживая радиообмен.

Смолкли разговоры, пилоты переваривали информацию, задумались. Андрей говорил практические вещи, которые помогут выжить и одержать победу. Встал итальянец Джованни.

– Предлагаю выбрать Андрэ командиром эскадрильи!

Летчики одобрили криком – виват! Поставили на голосование, и кандидатуру поддержали все. Андрею командовать – не привыкать. Но пилоты на следующий день пожалели о выборе. Беззаботная жизнь закончилась. Утром подъем, потом построение. Ему пытались перечить.

– Андрэ, мы же не в армии! К чему дисциплина? Вот в бою – другое дело.

– Анархистов не держу. Или назначайте другого, я за власть не держусь.

Нехотя, но смирились. Андрей назначил пары, определил ведущего и ведомого, объяснил обязанности. Немцы в «Кондоре» использовали точно такую же тактическую единицу, как и итальянцы. Советские пилоты использовали три самолета. Тройка неудобна в маневренном бою, есть опасность столкновения при резких маневрах.

После завтрака полдня рассказывал о тактике воздушного боя, которую использовал знаменитый ас Покрышкин. Высота, скорость, огонь! Правда, про Покрышкина не говорил, не проявил себя еще ас, будет это позже.

Самолет Андрея за сутки залатали, заменили колесо, опробовали мотор, подготовили к полету – бензин, боеприпасы пополнили. И вот уже по телефону первый боевой приказ. «Прикрыть от налета бомбардировщиков Мадрид, взаимодействуя с другими эскадрильями».

Хорошо сказать, а где эти эскадрильи? По рации? Так он ни частот, ни позывных не знает. Объявил боевой вылет всем подразделениям, взлет попарно, к Мадриду занять эшелон в две с половиной тысячи метров. Для точного бомбометания бомбардировщики опускались ниже, если была задача бомбить по целям, а не по площадям. А на этой высоте обычно летели истребители прикрытия.

Взлетели. Пока первая пара – Андрей и чех Словичка – взлетела и выписывала коробочку над аэродромом, поднялись все. Андрей направил самолеты к Мадриду. Пока пары четко держали строй – пеленг. Далеко впереди показались черные точки, быстро приближающиеся. Оказалось – девять советских «И-16». Советские пилоты сначала атаковать хотели, для них «Девуатины» имели непривычный силуэт, но вовремя разглядели раскраску на хвостах, да еще Андрей крыльями покачал. Он-то по картинкам и документальному кино силуэт «И-16» знал. Показалось множество самолетов в два эшелона. На нижнем – фронтовые пикировщики «Ю-87», прозванные в СССР в 1941 году «лаптежниками» за неубирающиеся шасси с обтекателями. Выше их держалась парами десятка «Не-51». К Андрею, как ведущему первой пары «Девуатинов», сбоку пристроился «Ишак». Летчик показал пальцем на себя, потом на «Хейнкели». Затем ткнул в Андрея и на «Юнкерсы». Ага, распределил, кому кого атаковать, чтобы не было неразберихи. Андрей кивнул, поднял большой палец. Так и сделали. «Ишаки» ринулись к немецким истребителям, летчики интербригады к «Юнкерсам». Да сразу получили отпор от хвостовых стрелков.

– Вот сволочь! – выругался Андрей.

Он зашел сзади бомбардировщика, и почти сразу мимо прошла очередь. Быть сбитым не хотелось, Андрей уменьшил высоту, теперь бортстрелок не мог его поразить, мешал собственный хвост. Андрей же приподнял нос самолета и ударил из пулеметов. Одна очередь, корректировка, вторая. Эта уже в цель, от обшивки куски летят. А «Юнкерс» продолжает полет. Мало того, по самолету Андрея стали вести огонь бортстрелки других бомберов. Все же не выдержал пикировщик, вниз полетели бомбы, впрочем не на городские кварталы, не долетев их. Облегчившись, «Ю-87» немного вспух, показав брюхо. Андрей дал очередь. От «Юнкерса» отвалилась правая стойка шасси. Пилот бомбардировщика стал разворачивать самолет. До города всего ничего по авиационным меркам – километров пять-семь. И другие «Девуатины» огонь ведут. Рассыпался строй бомберов, бомбы сбросили, чтобы уйти легче было, а еще есть опасность при обстреле подорваться от собственных бомб при

попадании пуль.

На развороте Андрей успел еще дать очередь. «Юнкерс» задымил, но держал высоту.

– Да что ты, гад, не падаешь?! – закричал Андрей от избытка чувств.

Из «Юнкерса» вырвалось пламя, сразу факелом. Горящий самолет покинули летчик и стрелок, раскрылись купола парашютов. Эти уже отвоевались, поскольку внизу на земле позиции республиканцев. Их возьмут в плен и обменяют на своих, о таких случаях Андрей был наслышан. Немцы своих военнослужащих ценили и за одного давали до десятка испанцев или интернационалистов. А уже и другой «Юнкерс» падает, дымя. А дальше второй горящий «Хейнкель».

Бомбардировку города сорвали – это главное. Задача летчиков – сорвать бомбежку – была выполнена. А собьют они самолеты врага или нет, это уже дело десятое. Хотя для пилотов одержанная победа – повод для законной гордости. Летчика славят по победам, а не числу сорванных бомбардировок, так уж повелось во всех странах. Из числа пилотов легиона «Кондор» вышли прославленные асы, в частности Мельдер.

После ожесточенного боя возвращались каждый на свой аэродром. Пилоты на «Девуатинах» сели в Барахасе, а советские добровольцы на «ишаках» на аэродроме Альбасеты. Всего СССР передал республиканским ВВС 648 самолетов «И-15», «И-16», «Р-5», в том числе 70 бомбардировщиков «СБ». Морально устаревший «Р-5» использовали как штурмовик, причем ночной, ибо тихоходную машину сбивали даже «Не-51», а для «Мессеров» он был легкой добычей.

Советником по авиации начальника авиации Испании Идальго Сиснероса был Яков Владимирович Смушкевич (настоящее отчество Вульфович, белорусский еврей), личность легендарная среди советских летчиков и испанцев. В Испании имел псевдоним генерал Дуглас. Он сыграл решающую роль в разгроме итальянского экспедиционного корпуса в марте 1937 года под Гвадалахарой, впервые применив массированные налеты авиации. За генералом Дугласом безуспешно охотился Абвер, маршал авиации Германии Геринг обещал миллион марок тому летчику, который собьет Смушкевича. Яков Вульфович сам почти ежедневно совершал вылеты, имел лично сбитые самолеты.

В июне 1939 года комкор Смушкевич возглавил советскую авиацию на р. Халхин-Гол в Монголии. В ноябре 1939 года был награжден второй звездой Героя Советского Союза, третьим в стране. В 1940 году был назначен начальником ВВС РККА. Не скрывал от Сталина, что не верит Гитлеру и крайне отрицательно относился к Пакту о ненападении, подписанному Молотовым – Риббентропом в 1939 году.

Мало кто знает, что Смушкевич летал без обеих ног, значительно раньше, чем Алексей Маресьев. В апреле 1938 года, готовясь к авиационному параду в честь Первого мая, потерпел авиакатастрофу, лишился обеих ног, ходил и летал на протезах.

В июне 1941 года, за несколько дней до начала войны, его арестовали вместе с другим известным летчиком, тоже Героем Советского Союза, Павлом Рычаговым и еще двадцатью офицерами, которых обвинили в фашистском заговоре. После истязаний все арестованные были расстреляны 18 сентября 1941 года, когда шли тяжелейшие оборонительные бои, когда не хватало ни самолетов, ни летчиков. Такова благодарность Сталина военачальнику. В период с 1930 по 1940 год, по разным оценкам, в СССР было уничтожено от 20 до 38 млн человек, равный или больший ущерб нанес только Гитлер. Потери от обоих диктаторов для СССР равнялись четверти населения. Только перед войной были репрессированы 40 тыс. командиров РККА, причем образованных и опытных. На их место встали люди малообразованные, многие из которых даже карту читать не умели. В мемуарах гитлеровские генералы признавались, что если бы не массовые чистки РККА, Гитлер не решился бы начать войну с СССР. Сталина ассоциируют с победой, но победил Германию народ.

По пути к аэродрому Андрей не раз оборачивался, считал строй самолетов. Получалось девять. Подумалось – в сутолоке боя кто-то оторвался от своих, увлекся, потом не сориентировался. Небось сейчас сел на чужой аэродром, лишь бы на территории республиканцев. Ибо уже были факты, когда бойцы интербригад попадали в плен к франкистам, их показательно пытали и казнили.

Приземлились, зарулили на стоянку. Андрей выбрался из кабины, отстегнул лямки парашюта. Снова пересчитал самолеты. Считай не считай, а их девять. Подбежавшего механика спросил:

– Кого нет?

– Венгра Томаша.

Хм, инструктор авиагруппы в своей стране, пилот с опытом, неужели заблудился? А вечером сообщили по телефону, что обнаружен сгоревший «Девуатин» и останки пилота. В первый раз Андрей вычеркнул летчика из списков эскадрильи. Настроение после посадки у всех было приподнятое. Как же, пилоты сбили два бомбардировщика, сорвали бомбардировку. А после телефонного звонка настроение упало. Не сказать, чтобы успели сдружиться, но все же боевой товарищ, и такая участь может постигнуть всех. До этой потери в смерть пилоты как-то не верили. Механики и техники, осмотрев самолеты, почти на всех машинах обнаружили пробоины. На «Девуатине» спереди от лобового огня пилота прикрывал мотор воздушного охлаждения, но не было ни бронеспинки, ни бронестекла. А «лаптежник» бронезащиту имел. Бронестекло кабины, бронеспинка сидений толщиной 8 мм и 5 мм, бронеплита пола кабины. Как защита от пулеметного огня вполне годилась. Немцы свой пикировщик называли «штука», русские – «лаптежник», а испанцы – «певун». Хотя ни летчик, ни самолет не пели. А при атаках пилот включал сирены, которые были расположены в обтекателях колес. Набегающим потоком воздуха крыльчатки сирены раскручивались, и она начинала выть, причем довольно громко. Сирена оказывала сильное психологическое воздействие на противника. А еще она служила пилоту своеобразным указателем скорости. Летчик, не глядя на приборы, мог на слух определить скорость. Начинала она реветь на низких частотах, и чем выше была скорость, тем выше частота, пронзительнее звук. Максимальная скорость «Ю-87» была 310 км/час, но на пикировке достигала 650 км/час, для конструкции планера – предел. Для того чтобы самолет не развалился от перегрузок на пикировании, его оснащали воздушными тормозами. Они выдвигались из-под консолей крыла, представляли собой решетку, довольно эффективно гасящую скорость. Самолет имел один курсовой пулемет винтовочного калибра и один хвостовой, тоже калибра 7,92 мм, в модификации «А» («Антон») могли нести одну бомбу под фюзеляжем или по одной под каждым крылом общим весом 500 кг. В Испанию немцами было поставлено 262 машины модификации «А». На «штуке» летал один из самых известных летчиков Люфтваффе Ганс Рудель. Бомбометание с пикирования было очень эффективным, пилоты могли поражать одиночную цель, а не бомбили по площадям, как «Ю-88» или «Не-111».

В СССР выпускался в годы войны пикирующий бомбардировщик «Пе-2» конструкции Петлякова, но бомбила с пикирования практически лишь одна авиадивизия – Полбина.

Смерть товарища произвела на других пилотов гнетущее впечатление. Советские военные специалисты ехали в Испанию под прикрытием, с нансеновскими паспортами. Из 600 советников и 1811 специалистов в Испании погибли 127, умерли от ран 11, от несчастных случаев погибли 19 человек, пропали без вести 32 человека. В процентном соотношении много.

А на следующий день на аэродром произвели авианалет. Вынырнули сразу несколько «штук» и сбросили бомбы с горизонтального полета. Пикировать не стали, видимо, опасаясь огня зенитной артиллерии. Пролетели, как ураган. Пара минут, и их нет. Зенитчики успели сделать вдогон несколько выстрелов, причем безрезультатно. ПВО аэродрома было представлено четырьмя 37-мм пушками «Бофорс». Другое дело, что зенитчики были не готовы. Испанцы – народ с ленцой, зачастую беспечный, а если учесть, что время послеобеденное, сиеста, то и вовсе не удивительно. Гражданское население поделилось поровну – кто за франкистов, кто за республиканцев. И недоброжелатели, а если откровенно – предатели, доложили об аэродроме, где базировались «Девуатины». Андрей в этом не сомневался. Бомбардировщики вышли на аэродром точно, даже курс не меняли, сбросили бомбы пролетом и сразу скрылись, не повторяя штурмовку. Слишком много случайностей в одном месте и в одно время. От бомбежки никто из летчиков не пострадал, но один истребитель был поврежден, подлежал ремонту, а другой сгорел и восстановлению не подлежал. Немцы явно показывали – будут мстить за потери, налет – лишь ответная мера. Это еще счастье, что по приказу Андрея самолеты рассредоточены были по всему аэродрому, а не стояли в линейку, как в мирное время, иначе поврежденных машин было бы больше. Пятая колонна в Испании действовала активно. Но и советские «добровольцы» проявили себя мастерами. Подготовкой диверсионных групп из числа испанцев занимался Илья Старинов (товарищ Рудольфо), и урон своими действиями нанесли большой.

Андрей быстрыми ответными действиями немцев был удивлен и раздосадован. Выходит, для немцев базирование «Девуатинов» не было секретом. Оставлять без ответа налет не хотелось. Не ответил – значит, слаб. Сделав выводы, Андрей связался по телефону с советником начальника республиканской авиации, генералом Дугласом. Пришлось сначала говорить через переводчика. Андрей на французском, переводчик явно из русских, потому что с акцентом говорит. Андрей разозлился.

– Дай трубку самому.

Имени или псевдонима не назвал, но переводчик понял. В трубке тишина, явно рукой прикрыли. Потом другой голос:

– Слушаю.

И Андрей перешел на русский.

– Я комэск интербригады с аэродрома Барахас. Вчера мы «лаптежников» пощипали, а сегодня немцы отбомбились по нашему аэродрому…

– Потери есть? – перебил Смушкевич.

– Один самолет в ремонт, второй восстановлению не подлежит, среди личного состава один легко ранен.

– Ты русский? – после небольшого молчания спросил комкор.

– Да. А что это меняет?

– Ничего, знать буду. Что хотел?

Видимо, опасался Смушкевич, не немцы ли разговор ведут.

– Хотел бы узнать, где базируются «Юнкерсы». Ответ дать хочу. Наверняка у вас есть разведданные.

– Что за анархизм? Такого приказа товарищ начальник республиканской авиации не отдавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/vozduhoplavatel-bitva-za-nebo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити